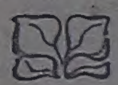
...сероссійскихъ Кооперативныхъ Съѣздовъ.

А. А. Николаевъ.

Исторія русскаго крестьянства.

(Второе, значительно дополненное и переработанное авторомъ изданіе).

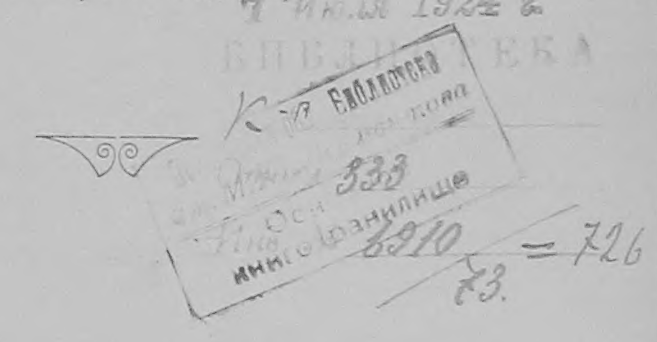
МОСКВА
1917 г.

Совѣтъ Всероссійскихъ Кооперативныхъ Съѣздовъ.

А. А. Николаевъ.

Исторія русскаго крестьянства.

(Второе, значительно дополненное и переработанное авторомъ изданіе).

МОСКВА.
1917 г.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Въ первомъ изданія „Исторія русскаго крестьянства“ была выпущена „Вѣстникомъ Знанія“. Н. А. Рубакинъ въ одномъ изъ новѣйшихъ своихъ библіографическихъ очерковъ указываетъ, что настоящая моя работа представляетъ на книжномъ рынкѣ единственную работу, охватывающую всѣ періоды исторіи крестьянства и написанную въ доступномъ изложеніи для широкихъ массъ читателя. Это дало мнѣ мысль переиздать „Исторію русскаго крестьянства“, а Совѣтъ Всероссійскихъ Кооперативныхъ Съѣздовъ пошелъ навстрѣчу этому предложенію.

Для настоящаго изданія книга подверглась значительной переработкѣ, какъ съ точки зрѣнія еще болѣе популярнаго изложенія, такъ и съ точки зрѣнія освѣженія матеріала

Всѣ библіографическія указанія, которыя въ большемъ количествѣ сдѣланы въ первомъ изданіи, въ настоящемъ опущены.

А. Николаевъ.

Ростовъ на Дону, 1917 г.

Отъ свободы къ крѣпостной зависимости.

Заселеніе русской равнины и общинное землевладѣніе.

По мѣрѣ того, какъ русскій народъ въ теченіе вѣковъ передвигался на сѣверо-востокъ, предъ нимъ открывались все новые и новые участки пустыхъ и никому не принадлежащихъ земель. Казалось, этому простору и конца не будетъ... Вотъ этимъ то безграничнымъ просторомъ свободнаго „дикаго поля“ исторія русскаго народа и отличается отъ исторіи западныхъ народовъ, у которыхъ съ глубокой древности чуть ли не каждый клочекъ земли имѣлъ свою межу и своего владѣльца. Само собой разумѣется, это обиліе свободныхъ земель въ области, заселяемой русскимъ народомъ, должно было наложить особенно рѣзкую печать на исторію русскаго крестьянства.

Вотъ поэтому-то исторію русскаго крестьянства надо начинать не съ вопроса о томъ, изъ какихъ племенъ и народностей—славянъ, финновъ, литовцевъ, татаръ и т. д.—сложилось оно, и также не съ вопроса о томъ, какія причины гнали все новыя и новыя волны народа на новыя земли: поиски новаго счастья, страхъ ли передъ кочевниками, боязнь ли религіозныхъ преслѣдованій, распоряженія ли правительственныхъ чиновниковъ, — а съ вопроса о „дикомъ полѣ“, о безграничномъ земельномъ просторѣ и о томъ вліяніи, которое эта „ничья“, „Божья“, земля оказала на взгляды, привычки и дѣятельность русскаго крестьянина, взятаго во всей его массѣ.

Русское крестьянство, т.-е. земледѣльческое населеніе нашей родины, врѣзывалось въ это „дикое поле“, мало-помалу, постепенно, вслѣдъ за охотничьими и скотоводными группами, которыя передъ этимъ напоромъ отодвигались все дальше и дальше — туда, куда еще не ступала ни одна человѣческая нога.

Но и само крестьянство, самъ русскій земледѣлецъ не сразу обыкновенно становился осѣдлымъ. Онъ самъ предпочиталъ не связывать себя на этомъ безграничномъ просторѣ однимъ постояннымъ мѣстомъ. Пока хозяйство его было несложнымъ, онъ бралъ съ цѣлины рядъ жатвъ, а тамъ со всей своей семьей и со всѣмъ своимъ немудре-

нымъ скарбомъ снимался съ мѣста и уходилъ искать среди лѣсовъ и болотъ новаго уголка, который бы ему приглянулся.

Такъ появилось на „дикомъ полѣ“ бродячее, кочевое крестьянство.

Съ самаго перваго своего появленія на „дикомъ полѣ“ нашей равнины русскій крестьянинъ избѣгалъ селиться въ одиночку, хуторами. Несомнѣнно, что на это было много причинъ: боязно было лихихъ людей, страшно было лѣсного звѣря, трудно было пролагать дороги и т. д. Но какъ бы то ни было, являясь на Божью, ничью, землю, русское крестьянство сразу же стало покрывать ее не обособленными хуторами, а отдѣльными деревнями и деревушками. На сколько разросталось въ отдѣльности каждое изъ этихъ поселеній, зависѣло отъ тѣхъ условій, въ которыя попадала крестьянская работа въ той или другой части нашей равнины. Если поселокъ заложенъ былъ въ лѣсу, гдѣ почва отличается малымъ плодородіемъ и большимъ разнообразіемъ по своимъ качествамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ водѣ въ видѣ рѣкъ, рѣчекъ, ручьевъ, озеръ, гдѣ, наконецъ, на раздѣлку нивы приходится затратить много труда и вложить много удобренія, — тамъ каждая семья старается устроиться поближе къ своей пашнѣ. Въ степи же, гдѣ почва ровная и вездѣ плодородная, гдѣ недостатокъ чувствуется не въ хорошемъ участкѣ подъ пашню, а въ водѣ, возлѣ которой должно быть поставлено жилье,—тамъ селятся обыкновенно большими деревнями.

Но будетъ ли крестьянское населеніе разбросано большими деревнями—по нѣсколько сотъ дворовъ въ каждой, какъ въ губерніяхъ: Воронежской, Самарской, Саратовской, Черниговской, Таврической, или крошечными деревушками въ какой нибудь десятокъ дворовъ, какъ въ губерніяхъ: Псковской, Вятской и Пермской, — важнымъ является то обстоятельство, что русское крестьянство всѣми силами стремилось усѣсться на землѣ сообща, а не въ одиночку.

Какое же вліяніе на жизнь и дѣятельность крестьянства могъ оказать такой способъ разселенія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, присмотримся къ тому, какъ могло итти разростаніе поселковъ и какъ происходило выдѣленіе новыхъ поселковъ.

Когда нѣсколько семействъ устроятся на облюбованномъ мѣстечкѣ, они начинаютъ выбирать для себя въ ближайшей округѣ мѣста, подходящія подъ пашню и покосъ. Когда всѣ такія мѣста по сосѣдству съ жильемъ разобраны, то семьи посильнѣе, у которыхъ оказалось и работниковъ, и скота побольше, начинаютъ выхватывать изъ „дикаго поля“ участки подальше отъ ихъ теперешняго жилья и обращаютъ ихъ подъ пашню или подъ покосъ. Такъ обра-

зуются „наѣздныя“ заимки. На этихъ заимкахъ хозяева остаются недѣлю—другую, справляютъ нужную работу и затѣмъ возвращаются къ себѣ, въ деревню. Мало-по-малу такія наѣздныя заимки уходятъ все дальше и дальше отъ деревни. Выѣзжать туда приходится на долгій срокъ: малую заимку на такомъ большомъ разстояніи брать не стоитъ, а съ большой скоро не управишься; нужно, значитъ, поставить хлѣбъ для скота, какую-нибудь амбарушку, куда убрать урожай, какую-нибудь хибарку, гдѣ можно было бы самому укрыться отъ непогоды. На такихъ заимкахъ крестьянинъ проводилъ иногда цѣлое лѣто, оставляя на ближайшихъ къ деревнѣ поляхъ работать другихъ членовъ своей семьи. Когда же семья настолько разросталась, что на старомъ пепелищѣ становилось тѣсно, тогда на дальней заимкѣ ставилась изба, привозилось полное хозяйство, и на него засаживался братъ или взрослый сынъ со своей семьей. Заимка становилась жилой; къ новому хозяину пристраивался еще новый, и заимка обращалась въ малый поселокъ, починокъ, а починокъ со временемъ становился деревней. Отъ заимки къ починку, отъ починка къ деревнѣ, отъ деревни къ новой заимкѣ и т. д.—вотъ тотъ путь, по которому шло разселеніе русскаго крестьянства всюду, гдѣ въ жизнь его не вторгались никакія постороннія причины

Само-собой разумѣется, что такое разселеніе свободно и безъ большихъ затрудненій происходитъ до тѣхъ поръ пока „дикое поле“, „ничья“, земля находится неподалеку отъ деревни, пока не чувствуется никакого земельнаго утѣсненія и есть, куда податься тому, кто ищетъ свободной земли. Но вотъ всѣ годные для земледѣлія участки разобраны, „дикое поле“ отодвинулось далеко отъ деревни, и хозяинъ начинаетъ сталкиваться въ заимкахъ со своими сосѣдями. Прежде всего онъ не можетъ теперь объявлять и считать своей землей всякій участокъ, „куда его топоръ, коса и соха ходили“, какъ раньше. Начинаются споры о границахъ захваченныхъ заимокъ. Кто можетъ тутъ быть судьей? Кто можетъ разобрать эти споры такъ, чтобы рѣшенію подчинились обѣ спорящія стороны? Очевидно—только собраніе всѣхъ жителей той деревни или тѣхъ деревень, къ которой или къ которымъ принадлежатъ спорщики. Только тутъ всѣ, сообща, они могутъ припомнить, кто и когда захватилъ ту или другую заимку, когда онъ ее забросилъ, когда къ ней подошелъ новый хозяинъ, какъ онъ ее взялъ, сколько труда онъ вложилъ, и почему, наконецъ, одинъ долженъ уступить другому. Обыкновенно споръ рѣшался въ пользу того, кто вложилъ въ этотъ участокъ, въ эту заимку больше труда. Подобнымъ же образомъ, сообща, рѣшались споры, когда появлялись разногласія между двумя сосѣдними деревнями.

Разобрать, вспомнить, какъ и когда слагалось владѣніе той или другой заимкой, конечно, легче всего, призвавъ къ участію всѣхъ жителей деревни, изъ которыхъ одинъ вспомнитъ одно, другой подтвердитъ другое, но откуда же у сидящихъ является сознаніе необходимости подчиниться этому рѣшенію? Прежде всего, когда по сосѣдству съ какой-нибудь деревней появится новая деревня или новый починокъ, то старожилы будутъ указывать новымъ поселенцамъ, чтобы они ходили добывать себѣ заимки вотъ въ ту сторону, „а вотъ въ этой сторонѣ, хотя земля и не разобрана, но ее не трогайте, потому что мы хотимъ ее оставить для себя, чтобы заняться ею, когда старыя заимки будутъ выпаханы и использованы". Такимъ образомъ, каждый житель этой старой деревни можетъ сказать про свою заимку—эта моя земля, а про остальную землю, которую деревня оставила про запасъ для себя: это наша, деревенская земля. Ясное дѣло, что этой общей землей они вскорѣ станутъ и пользоваться только съ общаго согласія, потому что всѣ однодеревенцы имѣютъ одинаковое право на захватъ этой земли. Но вѣдь и тѣ старыя заимки, про которыя теперь старожилы говорятъ: „моя земля", были взяты изъ дикаго поля, изъ „земли ничьей", на которую всѣ пришедшіе сюда имѣли одинаковое право. Такъ само собой изъ порядка заселенія, изъ порядка пользованія землей слагается убѣжденіе въ въ томъ, что вся деревня, вся община имѣетъ право вмѣшиваться въ споры, а потомъ и вводить свои порядки на тѣхъ земляхъ, на которыхъ работаютъ члены этой деревни, этой общины. Такъ естественно съ первыхъ шаговъ исторіи русскаго крестьянина складывалось общинное землевладѣніе.

Общинное землевладѣніе было выработано, слѣдовательно, самимъ русскимъ крестьянствомъ, оно находилось въ строгомъ соотвѣтствіи съ тѣми условіями, въ которыхъ протекала жизнь русскаго крестьянина, и оказало огромное вліяніе на всю дальнѣйшую его исторію.

Демократическія основы общественнаго быта у восточныхъ славянъ.

Мы видѣли, какъ подъ „властью земли" сложилось общинное землевладѣніе русскаго крестьянства. Но какъ ни была проста жизнь землевладѣльца того времени, какъ ни важны были для него земельные порядки, вопросомъ о землѣ далеко не исчерпывались всѣ интересы жизни русскаго крестьянина.

Крестьянство того времени не составляло какой нибудь отдѣльной группы русскаго народа, не являлось особымъ сословіемъ. Крестьянствовали, т. е. занимались земледѣліемъ всѣ, весь народъ; равно какъ весь же народъ занимался торговлей и всѣми другими промыслами, доступными тогда для нашей русской равнины. Смотря по своимъ средствамъ и склонностямъ, по времени года и мѣстожительству, каждый житель, кто воздѣлывалъ землю, кто ходилъ въ лѣсъ бить пушного звѣря, кто по рѣкамъ и озерамъ ловилъ рыбу, кто торговалъ своими или купленными произведеніями. Тамъ, гдѣ русскій новоселъ натыкался уже на занятое мѣсто и встрѣчалъ сопротивленіе со стороны другихъ племенъ,— финскихъ или латышскихъ, — осѣвшихъ здѣсь раньше, онъ брался за оружіе и становился воиномъ, не переставая быть въ то же время и земледѣльцемъ и промышленникомъ.

Итакъ, мы можемъ сказать, что въ историческомъ багажѣ русскаго крестьянства того времени, когда оно выступило на историческую арену своей родины, были два великихъ навыка: *привычка къ общинному землевладѣнію и привычка къ демократическому устройству общества...*

Какъ же устраивался въ своей общественной жизни этотъ крестьянскій народъ? Какіе порядки установилъ онъ? Какой власти повиновался онъ? Какія права сохранилъ за отдѣльными лицами?

Точнаго отвѣта на эти вопросы, обращенные къ первымъ столѣтіямъ жизни русскаго народа, историческая наука дать не можетъ, такъ какъ не сохранилось отъ того времени точныхъ историческихъ матеріаловъ въ достаточномъ количествѣ.

Съ увѣренностью можно, повидимому, утверждать только слѣдующее.

На зарѣ своей исторіи (болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ) русскіе славяне жили отдѣльными родами. Во главѣ всякаго рода стоялъ старшій, который долженъ былъ блюсти интересы своихъ родичей; къ нему обращались во всѣхъ дѣлахъ, касающихся рода; безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣлалось; онъ распредѣлялъ между родичами занятія, онъ раздавалъ пищу и одежду, онъ судилъ и наказывалъ. Но всѣ эти распоряженія и приказанія получали силу только въ томъ случаѣ, если на нихъ было общее согласіе рода, согласіе младшихъ. Власти старшаго повиновались лишь до тѣхъ поръ, пока видѣли, что онъ соблюдаетъ строгую справедливость, поступаетъ какъ отецъ. Власть старшаго въ родѣ не могла быть поэтому безгранична и превратиться въ произволъ. Въ управленіи родомъ слышался голосъ всѣхъ участниковъ, всѣхъ членовъ рода. Это управленіе не было, слѣдовательно, монархическимъ, а общена-

роднымъ, демократическимъ, по крайней мѣрѣ, поскольку это касалось самихъ членовъ рода.

Когда наступали событія, касавшіяся не одного рода, а многихъ родовъ, цѣлаго племени, русскій славянинъ не измѣнялъ своей привычкѣ выслушивать во всѣхъ важныхъ вопросахъ, голосъ всего народа. Для такихъ случаевъ, какъ извѣстно, славяне собирались на общенародный сходъ, на вѣче, на которомъ съ общаго согласія и рѣшали важныя дѣла. Такія вѣча упоминаются нашими лѣтописцами и для кіевлянъ, и для новгородцевъ, и для смольнянъ, и для полочанъ и для многихъ другихъ... Вотъ почему при сношеніяхъ съ другими народами или племенами часто выступаетъ не князь и его приближенные дружинники, а весь народъ.

Такимъ образомъ можно считать доказаннымъ, что не только въ родовыхъ, но даже и въ государственныхъ дѣлахъ, русскій крестьянинъ на зарѣ русской исторіи стремился ставить дѣло управленія на общенародныхъ, демократическихъ началахъ.

Выдѣленіе крестьянскаго сословія.

Но это была демократія стараго типа: демократія, которая устанавливала равенство по отношенію къ своимъ и допускала самое грубое нарушеніе равенства, включительно до рабства, по отношенію къ чужимъ. И восточные славяне долгое время пользовались рабствомъ. Рабы должны были составлять значительную часть славянскаго населенія уже по одному тому, что они служили предметомъ оживленнаго торга. Такъ, греческіе и арабскіе писатели сохранили воспоминанія о томъ, что русскіе славяне торговали рабами не только въ Греціи, но и въ Западной Европѣ.

Рабъ былъ лишенъ всѣхъ гражданскихъ правъ; онъ былъ просто вещью, принадлежавшей хозяину. Несмотря на это, съ рабами обращались, повидимому, довольно мягко. Во многихъ мѣстахъ (у задунайскихъ славянъ) рабъ, по прошествіи извѣстнаго срока, отпускался даже на волю за опредѣленный выкупъ; одинъ изъ арабскихъ писателей IX–X вв. подтвержаетъ, что и „руссы“ также хорошо обращались со своими рабами.

Къ этой природной мягкости славянскаго характера необходимо прибавить еще и смягчающее вліяніе христіанскаго ученія, которое начало все больше и больше распространяться среди восточнаго славянства и должно было

оказать свое дѣйствіе въ первые періоды русской исторіи. По крайней мѣрѣ, этому вліянію можно приписать появленіе въ „Русской Правдѣ", древнѣйшемъ писанномъ памятникѣ русскаго законодательства, статей, которыя или ограничивали источники рабства или указывали условія, при которыхъ прекращалась рабская зависимость. Но тѣмъ не менѣе рабъ все-таки оставался рабомъ и, слѣдовательно, уже въ первое столѣтіе существованія русскаго славянства внизъ отъ массы свободнаго пахаря-славянина отдѣлился слой зависимыхъ и обездоленныхъ людей. Однако, этотъ слой не былъ рѣзко отграниченъ отъ свободнаго населенія русской равнины. Между свободнымъ земледѣльцемъ и полнымъ холопомъ были лица полусвободнаго состоянія, которыя имѣли больше правъ, чѣмъ полный холопъ, и меньше, чѣмъ свободный крестьянинъ. Благодаря такимъ промежуточнымъ положеніямъ, полный холопъ могъ постепенно переходить къ правамъ свободнаго земледѣльца. Но вѣдь по той же дорогѣ можно было итти и въ обратную сторону: постепенный переходъ отъ свободнаго положенія къ рабской зависимости. И это-та возможность, обусловленная наличностью рабства въ русскомъ славянствѣ, впослѣдствіи пагубно отразилась на судьбѣ русскаго крестьянства.

Если книзу отъ свободнаго родового пахаря-славянина отдѣлился слой рабовъ, то кверху отъ него начали скопляться тѣ, которые, благодаря ли своему уму, или удачливости, или особой беззастѣнчивости, сумѣли создать себѣ лучшее общественное положеніе, чѣмъ всѣ остальные. Выдѣленіе и накопленіе этихъ „лучшихъ людей" началось опять-таки съ первыхъ вѣковъ русской исторіи. Такъ Несторъ, разсказывая о посольствахъ древлянъ къ Ольгѣ, въ одномъ случаѣ говоритъ „и послаше древляне лучшіе мужи, числомъ двадесять, въ ладья къ Ользѣ", а въ другомъ: „древляне избраша лучшіе мужи, иже держаху Деревскую землю, и послаша по ню". Очень быстро это различіе, по крайней мѣрѣ въ имущественномъ отношеніи, достигаетъ весьма значительныхъ размѣровъ. Въ 1018 году, во время сбора Ярослава Новгородскаго въ походъ на Святополка, новгородцы, собиравшіе деньги для найма варяговъ, уже ясно не составляли сплошной безразличной массы, дѣлились на простолюдиновъ и бояръ. Насколько бояре уже тогда въ имущественномъ отношеніи были сильнѣе простолюдиновъ можно судить потому, что по общественной раскладкѣ каждый бояринъ долженъ былъ заплатить приблизительно въ 135 разъ больше, чѣмъ простолюдинъ.

Къ этой мѣстной аристократіи надо прибавить еще аристократію служилую, которая также очень быстро стала выдѣляться изъ общей массы земледѣльческаго славянства.

Это были „княжьи мужи“, люди, находящіеся на службѣ въ дружинѣ у князя. По самому своему положенію, по самой близости къ князю, они выдѣлились уже изъ общей толпы, законъ очень быстро начинаетъ различать ихъ и особыми правами, и особой защитой. По „Русской Правдѣ“, напримѣръ, за „убійство въ разбоѣ“ людина—рядового жителя—платили виру (штрафъ) вдвое меньше, чѣмъ за убійство мужа, находившагося на службѣ у князя. Само собою разумѣется, что многіе изъ этихъ дружинниковъ во время похода и сбора дани сумѣли также сколотить себѣ порядочный капиталецъ, и это ихъ, конечно, сближало съ „лучшими мужами“ изъ туземнаго населенія. Такъ появились зачатки привиллегированнаго сословія.

Какъ же отразилось такое появленія привиллегированнаго класса на рядовомъ пахарѣ?—Прежде всего его роль въ общественной жизни значительно понизилась, это видно уже изъ того, что высшіе классы всѣми силами стараются всячески отъ него отмежеваться. Разъ есть „лучшіе мужи“, то должны быть и „меньшіе мужи“,—меньшіе не по возрасту, а по своему общественному положеніе. Было время, когда все свободное населеніе называлось „мужами“. Теперь считается уже неудобнымъ прилагать это имя безразлично ко всѣмъ свободнымъ людямъ. Теперь уже есть, такъ сказать, неполные мужи, уменьшенные мужи, не „мужи“, а «мужики». И это самое уменьшенное прозвище, приложенное къ свободному хлѣбопашцу, явно свидѣтельствуетъ объ уменьшенномъ уваженіи въ обществѣ самого хлѣбопашца. Этотъ «мужикъ» во многихъ случаяхъ сталъ называться „крестьяниномъ“, „христіаниномъ“, какъ онъ самъ, вѣроятно, выдѣлялъ себя въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ему пришлось соприкасаться съ языческимъ населеніемъ. Къ этому „мужику“ все чаще и чаще въ нашихъ законодательныхъ памятникахъ стали примѣнять терминъ „смердъ“, которымъ раньше обозначалось, вообще, сельское населеніе. Все это указываетъ на ту настойчивость, съ которой привиллегированные классы, одни только и имѣвшіе какое-либо отношеніе къ письменнымъ памятникамъ, старались отмежеваться отъ уменьшеннаго мужа, „мужика“.

Правда, прямыхъ указаній относительно преуменьшенія правъ мужика-смерда сначала въ нашемъ законодательствѣ какъ будто не замѣчается. Въ самомъ дѣлѣ, по „Русской Правдѣ“, за убійство смерда, повидимому, вапмалась вира, смерда никто не могъ наказывать безъ „княжья слова“, т. е. безъ суда; у смерда было свое собственное имущество и т. д. Однимъ словомъ, „Русская Правда“ признаетъ за смердомъ какъ личныя, такъ и имущественныя права въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ это дѣлается ею по отношенію къ каждому свободному человѣку.

И тѣмъ не менѣе, въ той же „Русской Правдѣ“ можно подмѣтить глухія и отдаленныя указанія относительно того, что „мужику“, дѣйствительно, пришлось уже ощущать значительное и неблагопріятное для него давленіе со стороны „лучшихъ“, болѣе сильныхъ людей. Особенно это давленіе сказывалось, конечно, на тѣхъ „мужикахъ“, на тѣхъ смердахъ, которымъ пришлось осѣсть на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, въ большинствѣ случаевъ тѣхъ „мужей“, которые нашими лѣтописями называются „лучшими“. Такіе смерды—крестьяне получили въ „Русской Правдѣ“ названіе „ролейныхъ закуповъ“. Эти закупы жили и работали на чужой землѣ и очень часто хозяйскимъ инвентаремъ. Само собой разумѣется, что такая форма хозяйствованія ставила ролейныхъ закуповъ въ весьма зависимое положеніе отъ господина, и этимъ самымъ открывала еще больше возможности производить давленіе на крестьянина-арендатора. Въ какую же сторону было направлено это давленіе особенно явно и особенно настойчиво? Очевидно, въ ту сторону, съ которой „Русская Правда“ попыталась возвести преграду вожделѣніямъ хозяевъ. Что же мы видимъ въ этомъ отношеніи въ „Русской Правдѣ“?

Прежде всего „Русская Правда“ напоминаетъ лучшимъ людямъ о томъ, что ролейные закупы не должны смѣшиваться съ рабами. Она прямо говоритъ, что за обиду закупа должна быть назначена такая же пеня, какъ за свободнаго человѣка: „яко же въ свободномъ платежъ и въ закупѣ“. Она открыто напоминала дальше о гражданской личности закупа, разрѣшая вызывать его въ качествѣ свидѣтеля въ малозначительныхъ случаяхъ. Она разрѣшала ему, какъ свободному человѣку, защищать себя отъ обиды судомъ, даже противъ своего господина. Она напоминала объ его правѣ отходить отъ своего господина, выплативши занятыя деньги или разсчитавшись по заключеннымъ обязательствамъ... Для чего же законодателю представлялось необходимымъ произвести всѣ эти напоминанія, выдѣлить особо всѣ эти права ролейныхъ закуповъ? Очевидно, не безъ основанія. Очевидно, потому, что именно въ этомъ направленіи „лучшіе мужи“ особенно настойчиво гнули свою линію; потому, что въ этой области особенно часто производились правонарушенія, особенно открыто производились насилія «лучшихъ мужей» надъ смердами, хотя бы только арендаторами.

Но защита „Русской Правдой“ крестьянства все-же была недостаточно внимательной. Русское законодательство того времени все же оставляло много неяснаго въ отношеніяхъ между „мужикомъ“ и „лучшими мужами“. Этими неясностями должны были воспользоваться на первыхъ порахъ люди болѣе состоятельные, люди болѣе капитальные

Такъ законодательство того времени неясно отличаетъ закуповъ ролейныхъ отъ закуповъ неролейныхъ, т.-е. положеніе арендаторовъ-крестьянъ неясно отдѣлено отъ положенія лицъ, продавшихъ себя въ рабы; и вообще „Русская Правда" слишкомъ мало позаботилась о томъ, чтобы состояніе смерда было точно опредѣлено по закону. Не трудно поэтому понять, какая огромная брешь для всякаго своеволія надъ „мужикомъ" со стороны „лучшихъ людей" была пробита къ XII вѣку.

Отграниченіе свободнаго пахаря въ крестьянское сословіе происходило, однако, не только со стороны капитала, но и съ другихъ сторонъ,—по крайней мѣрѣ, еще съ двухъ сторонъ.

Такъ, сельское населеніе въ лицѣ своихъ „меньшихъ мужей" все больше и больше начало ограничиваться отъ населенія городского. Это обстоятельство опредѣлялось конечно, тѣмъ, что по мѣрѣ развитія народнаго хозяйства, самый типъ горожанина началъ измѣняться, и разница между «смердомъ» – землевладѣльцемъ и купцомъ — «гостемъ», и по общественному положенію и по общественнымъ интересамъ все больше и больше увеличивается. Это различіе начинаетъ мало-по малу все чаще и чаще подчеркиваться и въ писменныхъ памятникахъ и въ правительственныхъ постановленіяхъ. Такъ, напр., въ 1289 году крестьяне за неповиновеніе князю были обложены разными натуральными сборами „со всякаго ста"... „Горожане" были обозначены при этомъ отдѣльно, и штрафъ имъ былъ назначенъ деньгами. Мало по-малу различіе оказалось настолько значительнымъ, что въ вѣчевыхъ собраніяхъ города смерды-крестьяне перестали принимать участіе, и пригородамъ приходилось принимать то что, „старѣйшіе вздумаютъ".

Все это выдѣленіе „меньшихъ мужей" въ отдѣльную общественную группу еще больше закрѣплялось тѣмъ, что это сельское населеніе, что эти родовые пахари, какъ видно изъ той же „Русской Правды", имѣли уже въ то время своихъ особыхъ старостъ, т. е. обладали своимъ обособленнымъ управленіемъ.

Вотъ тѣ черты, которыя особенно бросаются въ глаза въ затяжномъ, мало отчетливомъ и плохо обрисованномъ въ памятникахъ ходѣ выдѣленія крестьянства, какъ обособленной общественной группы, какъ особаго сословія.

Земельная политика первыхъ князей.

Долгое время князья русскаго народа не могли установить сколько-нибудь постоянныхъ связей съ земледѣльческимъ населеніемъ своей страны. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ отношенія ихъ къ крестьянамъ—смердамъ исчерпывались простымъ сборомъ дани, который не только не давалъ возможности установить сколько нибудь тѣсныя и постоянныя связи между правительствомъ и земледѣльческимъ населеніемъ, но не располагалъ даже и къ сближенію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить ходъ собиранія дани. „Съ наступленіемъ зимнихъ холодовъ,—разсказываетъ Константинъ Багрянородный,—„Русь, т. е. князь съ его дружиной, отправляется изъ Кіева по подвластнымъ ей славянскимъ племенамъ за сборомъ дани, рѣдко состоявшей изъ денежныхъ платежей, а слагавшейся по преимуществу изъ натуральныхъ продуктовъ, какими особенно изобиловала страна: мѣховъ, меду и воску. Вся зима проходила въ этомъ трудномъ, подчасъ и опасномъ путешествіи. Весной князь съ дружиной возвращались въ Кіевъ съ собранной данью. Къ этому времени приготовлялись лодки, которыя оснащивались, нагружались всѣмъ тѣмъ, что было собрано въ видѣ дани, и затѣмъ обширный торговый караванъ вооруженныхъ купцовъ спускался Днѣпромъ и Чернымъ моремъ въ Византію, всегда готовый отразить нападеніе дикихъ степныхъ хищниковъ, кочевавшихъ въ нижнемъ теченіи Днѣпра,—печенѣговъ, впослѣдствіи половцевъ“. Ясное дѣло, что при такой постановкѣ сбора дани правительство не только не могло оказывать какое-либо дѣйствительное воздѣйствіе на бытъ и нравы населенія, занималось ли оно звѣроловствомъ, скотоводствомъ или земледѣліемъ. Итакъ шли вѣка за вѣками. Измѣнялись способы поборовъ: вмѣсто мѣховъ, воска и меда стали требовать денегъ; вмѣсто выѣзда самого князя объѣзжалъ волости татарскій сборщикъ или княжескій чиновникъ,—но сущность отношеній оставалась той же самой: народъ продолжалъ жить своей собственной самостоятельной жизнью, а правительство ограничивалось временными наѣздами для взиманія податей.

При такихъ условіяхъ князья, конечно, не могли имѣть сколько нибудь постояннаго интереса къ землѣ и вести какую-нибудь опредѣленную земельную политику.

Не могли способствовать развитію этихъ интересовъ и земельной политики князей удѣльные порядки того времени, при которыхъ большинство князей и ихъ дружины только и думали о томъ, чтобы покинуть свою область и перебраться въ другую, болѣе богатую

Пока князья со своими дружинами вели воинственную жизнь странствующихъ варяжскихъ витязей и переходили съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за лучшими и богатѣйшими княжествами, стараясь, въ концѣ концовъ захватить кіевскій великокняжескій столъ, до тѣхъ поръ они мало заботились о пріобрѣтеніи земельной собственности. До тѣхъ поръ они и не вели своей собственной земельной политики. Это отдѣленіе князя съ его дружиной отъ землевладѣнія было такъ велико, что Великій Новгородъ клалъ это отдѣленіе краеугольнымъ камнемъ своихъ договоровъ съ княземъ. Какъ извѣстно, избранный Великимъ Новгородомъ князь и княжьи мужи не только не получали въ собственность ни одного клочка новгородской земли, но еще обязывались не пріобрѣтать земель въ Новгородской области и на свои средства. И никому подобное ограниченіе страннымъ не казалось: князья и ихъ дружины, какъ сказано, очень долгое время и сами не интересовались землей. Война и набѣги—вотъ были пока главные источники ихъ обогащенія. „Оже пойдемъ къ Новогородку“, разсуждаютъ южные князья, „а тамъ уже татарове извоевали все, пойдемъ, гдѣ къ цѣлому мѣсту“... Вотъ куда устремлялись помыслы первыхъ нашихъ князей, и для того, что они обратили свое вниманіе на земли своихъ княженій, для того, чтобы они захотѣли сами стать землевладѣльцами, для того, что бы они облюбовали для себя хоть самую упрощенную земельную политику, въ жизни русскаго края должны были произойти глубокія общественныя измѣненія.

Только тогда, когда число князей сильно размножилось, когда передвиженіе изъ одного удѣла въ другой становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ,—русскіе князья стали обращать на землю своей области все больше и больше вниманія. Многому въ этомъ отношеніи научили нашихъ князей монголы—въ лицѣ татаръ, явившихся завоевателями земли Русской. Въ самомъ дѣлѣ, у монголъ дѣйствовало правило: вся земля принадлежитъ хану—царю, всѣ подданные—его рабы, и тотъ, кто владѣетъ землей, получаетъ ее отъ царя для того, чтобы служить царю. Это-то міровоззрѣніе мало по-малу и впиталось во взгляды и отношенія нашихъ великихъ московскихъ князей, а оттуда пошло гулять и по всей Руси. Само собой разумѣется, что оно много способствовало тому, что князья въ большинствѣ случаевъ стали на мѣстахъ самыми крупными землевладѣльцами, что они почувствовали не только необходимость, но и право вмѣшиваться въ земельныя отношенія своихъ подданныхъ.

То же татарское иго давало еще одинъ толчекъ правительствамъ удѣльныхъ князей въ сторону земельной политики. До появленія татаръ князья собирали со своихъ подданныхъ извѣстную дань; но дань эта почти нигдѣ не от-

личалась ни большой правильностью, ни большимъ постоянствомъ. Татары въ этомъ отношеніи повели свое хозяйство на иную ногу. Они сумѣли поставить его болѣе основательно и стремились обезпечить себѣ, чтобы никто изъ русскихъ людей не уклонялся отъ дани, которая была наложена татарскими ханами на русскій народъ. Съ этой цѣлью два раза въ XIV вѣкѣ татары произвели общія переписи и поставили платежное населеніе подъ надзоръ собственныхъ чиновниковъ. Когда же въ XIV вѣкѣ сборъ татарской дани перешелъ въ руки князей,—князья унаслѣдовали и введенный татарами весь распорядокъ и все чиновничество по сбору дани. Теперь уже самому русскому правительству приходилось сбирать подати для татаръ въ опредѣленномъ и значительномъ количествѣ и отвѣчать передъ Ордой за правильное поступленіе сбора.

Такимъ образомъ русскіе князья должны были стать лицомъ къ лицу съ сельскимъ населеніемъ не только потому, что они сами сдѣлались крупными землевладѣльцами, не только потому, что они усвоили отъ татаръ идею верховенства надъ своей землей, но и потому, что они сдѣлались отвѣтственными за все населеніе передъ огромной и страшной посторонней силой.

Однако, была и еще причина, которая заставляла правительство удѣльныхъ русскихъ князей все больше и больше пускать корни въ область земельныхъ отношеній. Это, именно, весь ходъ „собиранія земли русской“.

„Собираніе земли“ было ничѣмъ инымъ, какъ завоеваніемъ земли русской великими московскими князьями. Вспомните хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ исторію отношеній великаго князя Ивана Васильевича къ Новгороду. Послѣ того, какъ вѣчевой порядокъ былъ разрушенъ въ 1477 году, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Новгородъ былъ оставленъ въ покоѣ. Но это была особая политика: дать успокоиться народу для того, чтобы вѣрнѣе и спокойнѣе впослѣдствіи продолжать свое дѣло. И дѣйствительно, вскорѣ къ Новгороду начинаетъ настойчиво примѣняться завоевателемъ глубоко продуманная система: выводъ новгородцевъ изъ Новгородской области въ Москву и водвореніе на ихъ мѣста новыхъ московскихъ людей. „Начало такому сліянію Новгорода съ Москвой,—пишетъ проф. Сергѣевичъ,— Иванъ Васильевичъ и положилъ въ 1484 году. Мѣра рѣшительная, и осуществлена была она въ большихъ размѣрахъ. Въ 1484 году было выведено изъ Новгорода болѣе 7.000 житьихъ людей. Да, кромѣ того, государевъ намѣстникъ Яковъ Захарьичъ многихъ еще пересѣкъ и перевѣшалъ: на нихъ пало подозрѣніе въ желаніи убить его. Въ 1489 году послѣдовалъ новый выводъ новгородскихъ бояръ, житьихъ людей и гостей. Въ этомъ году перевели въ Мо

скву болѣе тысячи человѣкъ. Имъ дали и мѣстья въ Володимерѣ, Муромѣ, Нижнемъ, въ Ростовѣ и другихъ городахъ". Однимъ словомъ, это „собираніе земли русской" затрагивало самымъ существеннымъ образомъ землевладѣніе древней Руси. Надо замѣтить при этомъ, что тѣ измѣненія, которыя оно несло съ собой, касались не однихъ высшихъ классовъ общества. Нѣтъ, предпринятыя Иваномъ Васильевичемъ мѣры касались и широкихъ крестьянскихъ массъ.

Однако, несмотря на всѣ эти сложныя и могучія причины, которыя заставляли великихъ князей серьезно заинтересоваться земельнымъ вопросомъ и наложить свою тяжелую руку на жизнь русскаго крестьянства, въ своихъ основныхъ чертахъ оставались прежними: тѣ же земельные порядки, тотъ же демократическій бытъ.

И не трудно понять, почему это такъ случилось.

Русская земля представляла собой огромную страну съ рѣдкимъ населеніемъ, разобщеннымъ къ тому же такими путями, которые оставались непроѣздными большую часть года. Кромѣ того, русская земля оставалась долгое время страной настолько непросвѣщенной, что на мѣстахъ не могли выдѣлиться въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ лицъ, пригодныя для управленія страной. Такимъ образомъ, верхи власти, князь и его дружинники, оставались оторванными отъ крестьянской массы, не имѣли ни средствъ, ни возможности сколько-нибудь глубоко влiять на жизнь народной массы.

Посмотримъ, напр., въ какомъ видѣ дошли до народныхъ массъ такія важныя финансовыя мѣропріятія, какъ уплата огромной татарской дани; повліяли ли эти мѣропріятія на формы землевладѣнія и внутреннихъ распорядковъ? Отнюдь, нѣтъ! Напротивъ, правительство поспѣшило воспользоваться этой готовой формой общежитія. Оно пріурочило общину къ цѣлямъ собиранія дани, установивъ при помощи ея, круговую поруку. То же самое отношеніе правительства къ формамъ жизни, которое вырабатывалъ трудовой народъ, проявлялось во всѣхъ сношеніяхъ правительства съ землевладѣльцемъ. Выступалъ ли великій князь и его правительство въ качествѣ крупнаго землевладѣльца, строгаго завоевателя или осторожнаго охранителя степныхъ границъ, или рѣшителя трудной финансовой задачи,—вездѣ правительственныя дѣйствія касались только поверхности народной жизни, не затрагивая основъ его міровоззрѣнія.

Итакъ, правительство русскихъ князей даже послѣ того, какъ болѣе основательно заинтересовалось земледѣльческимъ классомъ и стало налаживать свою земельную политику, не могло сколько-нибудь серьезно воздѣйствовать на ходъ народной жизни: оно долгое время не имѣло въ

достаточномъ количествѣ чиновничества, которое широко проникало бы въ народныя массы и производило въ жизни народа какія-либо уклоненія отъ формъ общежитія, выработанныхъ имъ самимъ.

Итакъ, чиновничьей,—или какъ говорятъ теперь,—бюрократической прослойки между правительствомъ и крестьянскими массами не образовалось.

Но, быть можетъ, такой прослойкой могло служить частное землевладѣніе? Мы видѣли, что на русской равнинѣ очень рано народилось и землевладѣніе частное, какъ объ этомъ можно догадываться по „Русской Правдѣ", пытавшейся вступиться за участь ролейныхъ закуповъ, иначе говоря, земледѣльцевъ арендаторовъ. И дѣйствительно, уже съ самаго начала русскаго государства намѣчается нѣсколько источниковъ частнаго землевладѣнія, которое мы и разсмотримъ здѣсь въ отдѣльности.

Прежде всего, это были тѣ „лучшіе мужи", тѣ счастливцы, тѣ баловни судьбы, которымъ въ силу тѣхъ или другихъ условій удалось подняться надъ среднимъ экономическимъ уровнемъ тогдашняго земледѣльца-смерда, захватить хорошіе участки земли, иной разъ заселить купленными холопами, и трудомъ послѣднихъ начать свое земледѣльческое хозяйство. Такимъ счастливцамъ иногда оказывало поддержку и само правительство, передавая въ ихъ собственность болѣе или менѣе значительные и доходные участки. Вотъ что, напр., говорится въ одной изъ жалованныхъ грамотъ Василія Ивановича (1524 годъ): „пожаловалъ есьмя Двинянъ Наумку, Кобеля, Савина сына, да Давыдка Степанова сына. ...Что мы били челомъ, а сказываютъ, что въ Двинскомъ уѣздѣ, за рѣкою за Двиною, нашли ключи соляные на рѣчкѣ на Юрѣ, отъ вѣка, а отъ волости де тѣ мѣста за 20 верстъ со всѣхъ сторонъ, угодья де къ тѣмъ мѣстамъ не пришли ни отъ которыхъ волостей... И ожъ будетъ такъ, какъ Наумка и его товарищи сказывали: и азъ Князь Великій пожаловалъ Наумку и его товарищевъ, велѣлъ есмя имъ на тѣхъ мѣстахъ ключи соляные чистить, и лѣсъ сѣчи, и дворы ставити, и пашни пахати, и пожни чиститн, и людей къ себѣ звати на тѣ мѣста, нетяглыхъ и неписьменныхъ, добрыхъ, а не татей и разбойниковъ"...

Но само собою разумѣется, что подобныя жалованныя грамоты являлись для земледѣльческаго населенія въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ уже въ силу одного того, что какъ было сказано, правительство не имѣло возможности вступить въ глубокое соприкосновеніе съ населеніемъ и выдѣлить оттуда элементы, которые могли бы соотвѣтствовать цѣлямъ и взглядамъ его.

Съ другой стороны, накопленіе капиталовъ на мѣстѣ при помощи сельскаго хозяйства того времени было въ

высшей степени разрушительнымъ. Не надо забывать, что, какъ земледѣльцу, такъ и землевладѣльцу приходилось вести очень тяжелую борьбу съ природой, а потому культурная воздѣланная человѣкомъ площадь наростала съ крайней медленностью. Обработка земли не могла приносить большихъ доходовъ и накопленіе капиталовъ съ земли или привлеченіе капитала къ землѣ, говоря вообще, было незначительнымъ. Слѣдовательно, изъ этого источника частное землевладѣніе разростаться сильно не могло... Да вѣдь, къ тому же эти землевладѣльцы сами были плотью отъ плоти, костью отъ кости рядового крестьянства, а потому ни въ какомъ случаѣ не могли играть роль культурной прослойки, черезъ которую стали бы проникать въ народныя массы новыя взгляды на землю и отношеніе человѣка къ ней.

Другой группой быстро растущихъ землевладѣльцевъ были монастыри. Во многихъ мѣстахъ имъ принадлежали огромныя угодья. Начало монастырскаго владѣнія относится еще къ XI вѣку: князь Изяславъ пожаловалъ Печерскому монастырю цѣлую гору, а въ 1096 году, какъ сообщаетъ лѣтописецъ, пожертвовалъ свои села тому же монастырю какой-то Ефремъ. Такъ сразу намѣтились два источника, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и впослѣдствіи пополнялись монастырскія вотчины: княжеское пожалованіе и вкладъ частныхъ лицъ... Если теперь принять во вниманіе формальную религіозность общества того времени, если имѣть въ виду, что земли представляли главную цѣнность, которую можно было легче передать въ видѣ вклада, то не трудно понять, почему такъ быстро и такъ настойчиво разростaлось монастырское землевладѣніе удѣльнаго періода.

Но могъ ли явиться этотъ разрядъ землевладѣльцевъ въ видѣ культурной прослойки между правительствомъ и огромной массой крестьянства? Конечно, нѣтъ. Прежде всего, вѣдь, монастырская братія пополнялась, главнымъ образомъ изъ рядовъ того же самаго некультурнаго крестьянства. Но, быть можетъ, вступая въ обитель, становясь въ атмосферу болѣе высокихъ идеаловъ и помысловъ, широко соприкасаясь съ книжной мудростью того времени, вчерашній мужикъ быстро становился интеллигентомъ, подвимался на болѣе высокую степень культуры, чѣмъ это доступно было для рядового крестьянства? Однако и этого нѣтъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно пробѣжать хотя бы нижеслѣдующую выписку изъ одной извѣстной исторической работы: „Мысли вообще отводилось въ Печерскомъ монастырѣ очень скромное мѣсто. Когда братъ Ларіонъ или братъ Никонъ занимались переписываніемъ книгъ, игуменъ, по монастырскимъ воспоминаніямъ, садился возлѣ нихъ и

занимался рукодѣліемъ: онъ „пряль волну" или готовилъ нить для будущихъ переплетовъ. На усердное занятіе книгами братія смотрѣла косо; книжная мудрость легко могла повести къ духовной гордости. Въ одной изъ печерскихъ легендъ любовь къ книжному чтенію характернымъ образомъ представляется какъ средство дьявольскаго искушенія. Одному изъ братій, Никитѣ Затворнику, явился бѣсъ въ образѣ ангела и сказалъ: ты не молись, а читай книги: черезъ нихъ ты будешь бесѣдовать съ Богомъ, чтобы потомъ подавать отъ нихъ слово полезное приходящимъ къ тебѣ; а я непрестанно буду молиться о твоемъ спасеніи. И прельстился монахъ, перестал молиться, надѣясь на молитвы мнимаго ангела, а прилежалъ чтенію и ученію; съ приходящими бесѣдовалъ о пользѣ души и пророчествовалъ. По одному признаку всѣ узнали, однако, что Никита прельщенъ бѣсомъ. Дѣло въ томъ, что ученый братъ зналъ наизусть книги Ветхаго Завѣта, а Евангелія и Апостоловъ не хотѣлъ ни видѣть ни слышать. Тогда собрались подвижники и съ общаго совѣта отогнали отъ Никиты бѣса. Вмѣстѣ съ тѣмъ Никита потерялъ и всѣ свои знанія"....

И такъ дѣло обстояло въ самомъ выдающемся изъ монастырей того времени.... Что же можно сказать о захудалыхъ монастыряхъ, которые тянули свое существованіе среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ.... Очевидно, что по своему культурному уровню они ни чѣмъ не отличались отъ окружавшей ихъ среды... Очевидно, на міръ они смотрѣли такими же глазами, какъ рядовое крестьянство... Очевидно, что и монастырское землевладѣніе не давало той постройки, которая нужна была бы, если бы правительство захотѣло войти въ народную массу съ тѣмъ, чтобы разрушить или измѣнить основы ея міросозерцанія.

Не получилось сколько-нибудь подходящей прослойки между крестьянствомъ и правительствомъ и при помощи раздачи служилымъ людямъ помѣстій. Помѣстная система, какъ извѣстно, состояла въ томъ, что князья начали раздавать своимъ дружинникамъ земли во временное пользованіе для того, чтобы они могли нести тяготы государственной службы. Помѣстная система эта начала намѣчаться въ исторіи русскаго государства довольно рано. Слѣды ея можно видѣть впервые въ завѣщаніи великаго князя Ивана Калиты, составленномъ въ 1328 г. Но полнаго своего развитія она достигла лишь къ XV вѣку, когда государство рѣшило сформировать помѣстныя войска. Помѣщикъ получалъ землю не только для того, чтобы вести свое хозяйство, сколько для того, что ему было съ чего править военную службу, снаряжать себя и положенное число слугъ въ государственныя войска. Его часто отрывали отъ его мирныхъ земледѣльческихъ занятій и подолгу удерживали на службѣ

вѣали отъ его помѣстій. Уже въ силу одного этого помѣщики не могли войти сколько-нибудь глубже въ жизнь земледѣльческой массы. При помощи этихъ помѣстныхъ элементовъ усилился гнетъ надъ крестьянской массой, но не создалось того рычага, при помощи котораго можно было бы дѣйствовать на міросозерцаніе народной массы и на внутренніе ея распорядки.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о великокняжескихъ владѣніяхъ. Мы уже упоминали о томъ, какъ московскими великими князьями очень легко была усвоена татарская идея, что вся земля должна принадлежать царю—хану. Вотъ почему великіе князья съ такимъ легкимъ сердцемъ начали раздавать служилому классу земли, очень часто съ давнихъ временъ занятыя и расчищенныя крестьянами. Вотъ почему изъ остальной земли, не розданной въ помѣстья, не попавшей въ монастырскія руки и не ставшей частнымъ владѣніемъ (вотчиной) разныхъ „мужей", великіе князья выхватили то, что имъ приглянулось. Очень долгое время не явилось даже мысли о томъ, что собственность великокняжескую нужно отдѣлить отъ собственности государственной.

Таковы были группы частныхъ землевладѣльцевъ, которыя сложились въ средневѣковой Руси.

Почему крестьяне селились на частновладѣльческихъ земляхъ.

Если частные землевладѣльцы разсматриваемаго нами періода не были достаточно сильны для того, чтобы оказать вліяніе на внутреннюю жизнь крестьянской массы, то, во всякомъ случаѣ, они представляли достаточную величину для того, чтобы давить на крестьянство извнѣ и въ хозяйственномъ и въ правовомъ отношеніяхъ. Особенно сильно чувствовалось это землевладѣльческое давленіе въ центральной части тогдашней Руси. Вообще, надо замѣтить, что все крестьянство нашей родины имѣетъ не одну, а нѣсколько исторій: въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Польшѣ, въ Малороссіи. Мы же здѣсь занимаемся исторіей крестьянства средней Россіи, великорусскаго крестьянства, какъ потому, что это крестьянство составляло главную массу землевладѣльческаго населенія того времени на площади русскаго государства, такъ и потому, что жизнь крестьянства, именно, этой части русской земли нашла себѣ наибо-

лѣе ясное выраженіе и въ законодательствѣ и во всей правительственной политикѣ дальнѣйшаго времени.

Въ средней полосѣ средневѣковой Руси (т. е. лѣтъ за 400 до нашего времени) частное землевладѣніе уже представляло значительную силу, такъ какъ сумѣло захватить мѣстами огромныя площади земли. Въ самомъ дѣлѣ, въ XVI вѣкѣ было не мало уѣздовъ, въ которыхъ почти вся земля сплошь была монастырская или помѣстная, и безъ преувеличенія можно сказать, что не было ни одного уѣзда (кромѣ сѣверныхъ), въ которомъ помѣстья и монастырскія земли не занимали бы большей его части. Въ новгородскихъ владѣніяхъ, напримѣръ, отъ 75 до 94% всей земли находилось въ помѣстномъ владѣніи; въ Казанскомъ уѣздѣ помѣстья занимали 65% всей площади, въ Коломенскомъ 59%, въ Вяземскомъ 97%, а въ Московскомъ хотя подъ помѣстіями значилось 34% всей территоріи уѣзда, но 35% приходилось на монастырскія вотчины, такъ что на долю всѣхъ другихъ видовъ земельнаго владѣнія оставалось гораздо менѣе трети всей площади.

Такимъ образомъ, уже въ XVI вѣкѣ русскій крестьянинъ совершенно неожиданно для себя оказался въ средней Россіи на чужой землѣ, хотя эту самую землю въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній онъ расчищалъ отъ лѣсовъ, поднималъ здѣсь новь, прокладывалъ дороги, сушилъ болота. Но мы видѣли, какъ онъ былъ некультуренъ и разобщенъ, а потому не приходится удивляться, что расхищеніе его земель произошло съ такой легкостью, и, вѣроятно, безъ всякой сколько-нибудь замѣтной борьбы.

Надо замѣтить, однако, что еще задолго до XVI вѣка крестьянская масса нерѣдко съ большой готовностью сама и добровольно селилась на частновладѣльческихъ земляхъ. Мы видѣли, что уже „Русская Правда" выдѣлила цѣлый особый классъ землевладѣльцевъ: ролейныхъ закуповъ, которые доброй волей обращались къ частновладѣльцамъ и заключали съ ними договоръ о поселеніи на ихъ землѣ. Очевидно, были какія то причины, которыя предрасполагали крестьянство предпочитать землю частныхъ владѣльцевъ въ большей степени, чѣмъ обращаться къ ничьей, Божьей землѣ, врубаться въ дикій лѣсъ или врѣзаться въ дикое поле, которыхъ въ то время было совершенно достаточное количество.

Не трудно найти эту причину, которая гнала часть крестьянства на частновладѣльческія земли. Надо помнить что переходъ отъ скотоводства и охоты къ земледѣлію являлся затяжнымъ дѣломъ, что часто мѣстные жители, занимавшіеся здѣсь звѣроловствомъ или скотоводствомъ, только тогда обращались къ земледѣлію, когда оно уже успѣло здѣсь пустить болѣе или менѣе глубокіе корни,

когда [illegible] достать и сѣмена, и орудія... Почему это такъ, [illegible] „Первобытный звѣроловъ, рыболовъ или пчеловодъ“,—говоритъ одинъ русскій историкъ,—„почти совершенно не нуждается въ капиталѣ для своихъ производительныхъ цѣлей: нетрудно и недорого устроить тенета для звѣря, и обзавестись рогатиной, сплести сѣти для рыбы; чтобы собрать воску и меду, стоитъ только найти въ лѣсу дуплистое дерево и сдѣлать въ немъ нехитрыя приспособленія для пчелъ или даже просто отыскать дерево, гдѣ пчелы уже живутъ. Не то въ земледѣліи: при занятіи имъ въ лѣсной странѣ необходимо выжечь лѣсъ, выкорчевать пни, распахать новь, засѣять ее, перебороиить поле, сжать и вымолотить хлѣбъ, смолоть зерно. На все это требуется время, въ теченіе котораго необходимо прокормить и себя и свою семью и на которое, слѣдовательно, надо имѣть запасъ продовольствія. Затѣмъ всѣ указанныя земледѣльческія работы требуютъ земледѣльческихъ орудій — плуга, сохи, бороны, косы или серпа, цѣпа и т. д; если къ этому прибавить необходимость сѣмянъ для посѣва, рабочаго скота и хозяйственныхъ построекъ, то станетъ понятна настоятельная нужда земледѣльца въ капиталѣ“... А капиталъ этотъ, конечно, не откуда было получить кромѣ какъ отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ...

Не надо также забывать о кочевомъ характерѣ земледѣлія въ древней Руси. Большая семья или даже цѣлая деревня сидитъ нѣсколько лѣтъ на одномъ мѣстѣ, расчищаетъ лѣсъ, запахиваетъ новину... Но вотъ всѣ подходящіе въ округѣ участки не только распаханы, но и выпаханы.. Тогда поселенцы отправляются искать другія болѣе плодородныя мѣста. Тутъ имъ часто предстоитъ два выбора: или уйти дальше въ дикій лѣсъ и отвоевать отъ природы новый уголокъ для земледѣлія, или занять старыя расчистки, заброшенныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ такими же кочевыми земледѣльцами и успѣвшіе отдохнуть и возстановить свои производительныя силы. Такая старая пашня, конечно, въ многихъ отношеніяхъ представляла для поселенцевъ извѣстныя удобства: меньше было возни съ лѣсомъ, легче было возстановить дороги, колодцы, тропинки, пастбища; можно было, наконецъ, иногда найти уже готовыя хозяйственныя постройки и даже избы... Но дѣло заключалось въ томъ, что очень часто такія старыя запашки принадлежали тѣмъ или другимъ частновладѣльцамъ. Само собою разумѣется, что частные землевладѣльцы учитывали всѣ эти удобства и въ своихъ договорахъ съ такимъ кочевымъ пахаремъ ставили уже достаточно тяжелыя условія.

Наконецъ, была и третья причина, уже не экономическая, а чисто политическая,—которая заставляла земледѣльца въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпочитать частновладѣльческія зе-

или „дикому полю“, ничьей, Божіей землѣ. Это именно—тяжесть обложенія разными податями и повинностями, о чемъ рѣчь у насъ будетъ ниже. Люди богатые и близкіе къ князю легко добивались для себя и для своихъ земель всякихъ льготъ въ податномъ отношеніи. Кромѣ того, на землѣ кого-нибудь знатнаго обычно великокняжескіе чиновники уже не рѣшались допускать безправія въ такихъ размѣрахъ, какъ это практиковалось, когда они оставались лицомъ къ лицу съ пахаремъ или съ общиной. Вотъ почему даже въ позднѣйшее время вольные люди иногда охотно записывались въ крестьяне, чтобы имъ „скитаясь межъ разныхъ вотчинъ, не погибнуть напрасно“...

Всѣ эти мотивы были достаточно сильны для того, чтобы крестьяне предпочитали во многихъ случаяхъ частное землевладѣніе своимъ землямъ.

Ростъ экономической власти частнаго землевладѣнія надъ крестьянствомъ въ средневѣковой Руси.

Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ экономическая власть частнаго владѣльца надъ крестьяниномъ-земледѣльцемъ должна была увеличиваться и крѣпнуть и, въ самомъ дѣлѣ, оказывая крестьянину въ томъ или другомъ видѣ „подмогу“, отпуская ему въ „ссуду“ въ томъ или другомъ видѣ земледѣльческій капиталъ, землевладѣлецъ налагалъ на крестьянина цѣлый рядъ обязательствъ, безъ исполненія которыхъ земледѣлецъ не имѣлъ права покинуть своего хозяина и исполненіе которыхъ должно было быть обезпечено денежной неустойкой—„зарядомъ“. Если крестьянинъ не въ силахъ былъ исполнить принятыя на себя обязательства, если онъ не могъ внести неустойку —„зарядъ“ то свобода его передвиженія ограничивалась. Раньше крестьянинъ на владѣльческой землѣ считался человѣкомъ совершенно свободнымъ и могъ по окончаніи осеннихъ работъ (недѣля до и послѣ осенняго Юрьева дня 26 ноября) перемѣнить мѣсто своего хозяйствованія; но теперь эта свобода ограничилась уже условіемъ исполненія обязательствъ крестьяниномъ передъ владѣльцемъ земли. Въ противномъ случаѣ крестьянинъ, ушедшій на новое мѣсто, считался бѣглымъ, и законъ становился всецѣло на сторону землевладѣльца.

А между тѣмъ сѣти, которыми частное землевладѣніе начинало опутывать крестьянство, мало-по-малу становились все крѣпче и мельче.

Въ самомъ дѣлѣ, крестьянскія обязанности по отношенію къ частному владѣльцу очень быстро стали сложными и разнообразными. „При моемъ игуменствѣ“, — сообщалъ старый игуменъ Константиновскаго монастыря, Царко еще въ концѣ XIV вѣка, (лѣтъ за шестьсотъ до нашего времени), такъ было въ Святомъ Константинѣ: большіе люди изъ монастырскихъ селъ церковь наряжали, монастырь и и дворъ тыняли, хоромы ставили, игумновъ жеребій весь рольи (пашни) орали, сѣяли и жали и возили, сѣно косили десятинами и въ дворъ ввозили, ледъ били и вешній и зимній, сады оплетали, на неводъ и на бобры въ осеннинѣ ходили, пруды прудили и истоки забивали... А пѣшеходцы изъ сель къ празднику рожь мололи и хлѣбы пекли, солодъ мололи, пиво варили и на сѣмя рожь молотили; а если игуменъ ленъ давалъ, они его пряли, сѣжи и дѣли неводныя наряжали“... „На Великъ день и на Петровъ день приходили къ игумену, что у кого въ рукахъ“, а также „давали на праздникъ яловицу; а въ которое село пріѣзжалъ игуменъ въ братчину и сыпцы давали по зобнѣ овса конемъ игуменовымъ“.

Со временемъ землевладѣльцы становились все болѣе и болѣе требовательными по отношенію къ своимъ крестьянамъ. Для сравненія достаточно будетъ указать хотя бы на обязательства крестьянъ хозяйственнаго боярина Морозова: Нижегородскіе крестьяне Морозова были обязаны платить ему съ выти (въ 12—16 дворовъ): 2 пуда свиного мяса, 1 гуся, 1 поросенка, 30 аршинъ холста или, взамѣнъ холста, 10 гривенокъ (фунтовъ) шерсти на войлоки и епанчи. Въ другихъ вотчинахъ того же владѣльца крестьяне сверхъ того давали еще съ выти же: одну утку, 8 куръ или 8 гривенокъ коровія масла, 100 или 50 яицъ, осьмину полуосьмину или четверикъ орѣховъ, или вмѣсто орѣховъ четверть хмѣлю. Вмѣстѣ съ тѣмъ особо съ дыма или съ каждаго двора взималось по 1 курицѣ, гривенкѣ масла и 3 яйца; также по гривнѣ шерсти, если шерсть не была положена съ выти. Трудно перечислить всѣ разнообразные „столовые запасы“, которые крестьянамъ приходилось поставлять на барскій дворъ: они мѣнялись въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Вотчинникъ не пропускалъ безъ вниманія и побора никакой мелочи, ни въ производительности почвы и ея разныхъ угодьевъ, ни въ крестьянскихъ промыслахъ; бывали случаи, когда въ виду внезапной прихоти боярина его вотчины облагались особымъ сборомъ: зимою 1659 г., напримѣръ, Морозову понадобились охот-

ничьи скворцы, и онъ велѣлъ прикащикамъ со всѣхъ своихъ вотчинъ „набрать скворцовъ и къ нему прислать".

А вѣдь это былъ перечисленъ только мелкій доходъ боярина Морозова, затѣмъ остаются обычные поборы въ видѣ разнообразныхъ работъ по имѣнію или уплаты денежныхъ сборовъ...

Само собою разумѣется, что поборы эти съ крестьянства, осѣвшаго на земляхъ частнаго владѣнія, сильно измѣнялись въ зависимости отъ мѣстности. Въ одномъ краю преобладала уплата натурой, въ другомъ—денежная, въ третьемъ— работа на барскомъ дворѣ или полѣ. Въ одномъ мѣстѣ поборы—изъ части урожая; въ другомъ они назначались мѣрой и вѣсомъ, безразлично отъ урожая. Но вездѣ съ крестьянина бралось столько, сколько только можно было съ него взять, такъ какъ „вотчинники и помѣщики свои подати клали на крестьянъ своихъ сами, „сколько съ кого взяли"... Увеличивая же эту сѣть всевозможныхъ поборовъ, землевладѣльцы тѣмъ самымъ все больше и больше прикрѣпляли ихъ къ своимъ владѣніямъ.

Къ тому же съ крестьянина тянули не только помѣщики, но и ихъ слуги—прикащики, старосты, доводчики и т. д., увеличивая еще больше то бремя, которое накладывало на крестьянство частное землевладѣніе.

Крѣпостное право.

Ухудшеніе положенія крестьянства въ средневѣковой Руси.

Мы уже видѣли, какъ съ самаго начала выдѣленія крестьянскаго сословія явно намѣтилось преуменьшеніе правъ свободнаго пахаря и какъ крестьяне обратились изъ мужей въ „мужиковъ".

Прослѣдимъ же за дальнѣйшей судьбой русскаго крестьянина за время образованія и укрѣпленія Московскаго государства.

Итакъ, каково же было отношеніе правительства того времени къ крестьянству. Для того, чтобы дать на этотъ вопросъ наиболѣе убѣдительный отвѣтъ, мы разберемъ соотвѣтственный матеріалъ съ двухъ сторонъ. Часть— и весьма значительная часть—крестьянства составляетъ „черныя" волости, которыя находились въ непосредственномъ вѣдѣніи и подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ правительства; другая часть крестьянства поселилась на частно владѣль-

ческихъ земляхъ, попала въ сильную экономическую зависимость отъ своихъ хозяевъ и не подлежала, по крайней мѣрѣ, въ очень многихъ случаяхъ непосредственному воздѣйствiю правительственныхъ чиновниковъ.

Посмотримъ же, какъ относилось правительство къ той части крестьянства, которая находилась въ его непосредственномъ вѣдѣнiи, крестьянству, сидѣвшему на „черныхъ земляхъ"?

Уже одинъ тотъ фактъ, что черные крестьяне во многихъ случаяхъ очень охотно переходили къ бѣломѣстцамъ, т.-е къ привилегированнымъ землевладѣльцамъ, показываетъ, что крестьянамъ, находившимся въ непосредственномъ вѣдѣнiи государства, жилось часто хуже, чѣмъ тѣмъ крестьянамъ, которые устраивались на земляхъ частнаго владѣнiя. Государство того времени, слѣдовательно, являлось худшимъ изъ всѣхъ землевладѣльцевъ. И, дѣйствительно, черные крестьяне платили больше податей и отправляли больше повинностей; на нихъ, кромѣ податей, ложилось кормленiе великокняжескихъ намѣстниковъ и волостей. Мы знаемъ также, что правительственный произволъ, отъ котораго страдало все крестьянство, особенно былъ силенъ на черныхъ земляхъ, благодаря чему еще больше поддерживалъ у черныхъ крестьянъ стремленiе переходить на бѣлыя земли...

Какъ же отвѣчало тогдашнее правительство на эти порывы крестьянства развязаться съ черными землями, уйти отъ непосредственного управленiя государственныхъ чиновниковъ? Постаралось ли оно облегчить положенiе крестьянъ? Попыталось ли оно сократить произволъ своихъ чиновниковъ?—Отнюдь нѣтъ...

Черные крестьяне бѣжали съ земель, которыя были объявлены государственными, потому, что житья здѣсь не было... Ну что жъ! Надо силой заставить ихъ оставаться на этой землѣ, и московскiе князья давно уже прибѣгали къ мѣрамъ, стѣснившимъ свободу передвиженiя крестьянъ на земли владѣльцевъ, получившихъ льготы. Еще великiй князь Иванъ Калита въ жалованной грамотѣ новгородскому Юрьеву монастырю запретилъ принимать „тяглыхъ людей волоцкихъ" и „людей изъ его великокняжеской отчины, Москвы". Въ грамотѣ тверскихъ князей Отрочу монастырю, написанной въ XV вѣкѣ, значатся даже угрозы въ случаѣ неисполненiя подобнаго запрещенiя. Но дальше дѣло пошло еще хуже... Въ уложенiи, въ сводѣ законовъ, составленномъ въ XVII вѣкѣ, постановлено крестьянъ государевыхъ, выбѣжавшихъ изъ черныхъ волостей и жившихъ за всякими вотчинниками и помѣщиками, „свозить" вмѣстѣ съ женами и дѣтьми и со всѣмъ ихъ движимымъ имуществомъ въ черные волости на старые ихъ жеребьи...

Впрочемъ, всѣ эти преслѣдованія совершались лишь постольку, поскольку въ черномъ крестьянинѣ государство могло потерять плательщика податей,—тяглеца. Черносошному крестьянину еще въ XVII вѣкѣ разрѣшалось покидать землю, на которой онъ сидѣлъ, подъ условіемъ, чтобы онъ на свое мѣсто посадилъ „садока", который бы тянулъ всѣ его подати и повинности;—при такомъ условіи разрѣшался, по крайней мѣрѣ, свободный переходъ „изъ волости въ волость". Нетрудно, однако, понять, что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ находился черный крестьянинъ, подыскать „садока", на то мѣсто, съ котораго самъ крестьянинъ старался сбѣжать, въ большинствѣ случаевъ представлялось дѣломъ совершенно невозможнымъ. Такимъ образомъ, всѣ подобныя распоряженія мало-по-малу, исподволь, вели къ закрѣпленію крестьянъ на мѣстѣ. Такова была политика государства по отношенію къ крестьянству, которое находилось въ его непосредственномъ вѣдѣніи... О стѣсненіяхъ болѣе мелкаго характера и говорить не стоитъ.

Та же самая землевладѣльческая политика проводилась чиновниками-землевладѣльцами и относительно распредѣленія податей и налоговъ, размѣры и количество которыхъ возрастали съ необычайной быстротой. Невыносимое положеніе отражалось тяжелыми послѣдствіями на крестьянскомъ хозяйствѣ того времени. О степени крестьянскаго разоренія можно судить хотя бы по новгородской земли. „Сто лѣтъ московскаго владычества",—свидѣтельствуетъ одинъ историкъ,—„привели къ тому, что размѣръ земельнаго участка, обрабатываемаго крестьянскимъ дворомъ, уменьшился до четвертой, иногда даже до десятой доли прежняго. Крестьянское хозяйство пришло въ упадокъ, потому что крестьяне, лишаясь тогда и мертваго инвентаря, не могли обрабатывать, какъ слѣдуетъ, своихъ полей. Число населенныхъ дворовъ уменьшилось до невѣроятной степени". При перечисленіи опустѣвшихъ деревень причина опустѣнія объясняется большею частью краткой, но красноречивой замѣткой: „отъ государевыхъ податей и отъ [illegible]", иногда отъ „опричнаго правежу", сравнительно рѣдко „отъ свейскихъ нѣмецъ", и отъ „казаковъ", и только въ 23 случаяхъ отъ „мора и голода"...

Итакъ, черносошное крестьянство было разорено большею частью „отъ государственныхъ податей и повинностей"... Позаботились ли объ уравненіи податей и повинностей и облегченіи участи крестьянъ плательщиковъ?—Нисколько. Правительство продолжало итти по старому пути... Оно продолжало увеличивать налоги и подати, взимаемые съ крестьянства, и всячески облегчать въ этомъ отношеніи положеніе землевладѣльцевъ. Въ серединѣ XVII столѣтія дѣло дошло до того, что помѣщикъ съ десятины своей пашни

(обработанной для него, конечно, руками крестьянина) платилъ чуть ли не въ 60 разъ меньше, чѣмъ платилъ крестьянинъ съ десятины своей пашни.

Таковъ былъ ходъ утѣсненія крестьянъ на черносошныхъ (правительственныхъ) земляхъ.

Переходимъ теперь ко второй части нашего матеріала по вопросу, какой политики держалось русское правительство того времени по отношенію къ крестьянамъ на владѣльческой землѣ...

Разбираясь въ поведеніи правительства того времени въ данномъ отношеніи, мы можемъ нащупать, повидимому, нѣсколько пріемовъ.

Одинъ изъ нихъ—путь обходныхъ движеній: путь циркуляровъ, толкованій, объясненій, ограничивающихъ силу дѣйствующаго закона. Такъ дѣло, напр., обстояло съ правомъ суда. Передъ закономъ, передъ судомъ крестьянинъ имѣлъ равное право съ бояриномъ и купцомъ на покровительство и защиту закона, такъ утверждали судебники... Да, по судебникамъ выходило такъ... Но это справедливое требованіе закона легко обходилось при помощи жалованныхъ грамотъ. Въ силу особыхъ княжескихъ и великокняжескихъ жалованныхъ грамотъ большая часть монастырей и многія служилые люди получали право самимъ судить крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ... Такимъ образомъ нарушалось равенство передъ судомъ.

Или вотъ еще примѣръ. Существовалъ непріятный для многихъ помѣщиковъ, но удобный для крестьянъ Юрьевъ день съ правомъ „свободнаго“ выхода отъ землевладѣльца... И судебники не трогаютъ Юрьева дня... зато административнымъ путемъ, какъ мы видѣли, онъ давно отмѣненъ для государственныхъ крестьянъ, а по отношенію къ нѣкоторымъ монастырскимъ и владѣльческимъ землямъ эта отмѣна устанавливалась особыми жалованными грамотами.

Другой методъ воздѣйствія на сношенія между крестьянами и владѣльцами земель заключается въ установленіи прямыхъ законодательныхъ постановленіи. И въ этомъ отношеніи судебники сдѣлали все, что только могли.

Въ этихъ законодательныхъ памятникахъ мы встрѣчаемъ слѣдующее: „А христіанамъ отказыватися изъ волости и изъ села въ село одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дни осенняго и недѣлю послѣ Юрьева дни осенняго. А который хрестіанинъ поживетъ за кимъ годъ да пойдетъ прочь, и онъ платитъ четвергь двора. А два года поживетъ да пойдетъ прочь, и онъ полдвора платитъ. А три года поживетъ, а пойдетъ прочь, и онъ платитъ три четверти двора. А четыре года поживетъ, и онъ весь дворъ платитъ“... Представляетъ ли этотъ законъ благо или ущербъ для крестьянъ? Нетрудно показать, что этотъ законъ цѣликомъ

былъ направленъ противъ крестьянства, и рѣчь въ немъ идетъ только объ ограниченіи крестьянскихъ правъ. По обычаю крестьянинъ, уходя съ чьей-нибудь земли, долженъ былъ вернуть владѣльцу полностью и въ исправномъ видѣ все, что получилъ отъ него: запасы зерна и корма, хозяйственный инвентарь, постройки. Сверхъ того онъ долженъ былъ уплатить всѣ лежавшія на немъ повинности или, по крайней мѣрѣ, обезпечить ихъ уплату. Понятно, что дѣло доходило до суда, землевладѣлецъ долженъ былъ доказывать свое право на вознагражденіе. Крестьянинъ, исполнившій свои обязательства, возвратившій владѣльцу все полученное отъ него, не платилъ больше ничего. Между тѣмъ приведенный выше законъ вводилъ новое правило: кто жилъ на чужомъ дворѣ, тотъ всегда при переходѣ на другую землю долженъ былъ платить вознагражденіе собственнику прежняго двора и земли, размѣръ вознагражденія опредѣляется разъ навсегда пропорціонально числу лѣтъ пользованія дворомъ.

Такимъ образомъ, ясно, что судебники, вышедшіе изъ рукъ частныхъ землевладѣльцевъ, оберегали исключительно права частныхъ же землевладѣльцевъ.

Итакъ, мы разобрали два метода, которые употреблялись ради обхода крестьянскихъ правъ и преимуществъ: методъ прямого законодательнаго вмѣшательства въ пользу землевладѣльческаго класса и методъ косвеннаго обхода тѣхъ законовъ и обычаевъ, измѣнить которые открыто правительство того времени не находило въ себѣ силы и рѣшимости. Остается еще одинъ методъ, сыгравшій видную роль въ исторіи нашего крестьянства. Это методъ, если можно такъ выразиться, попустительства. Мы уже знаемъ, какими неопредѣленными чертами было обрисовано въ „Русской Правдѣ“ правовое положеніе только-что выдѣлившагося русскаго крестьянства, какъ неясны были границы между смердомъ и ролейнымъ закупомъ, между ролейнымъ закупомъ и просто закупомъ. Такъ и теперь, въ концѣ того періода, который мы разсматриваемъ, крестьянскія права не не находятъ себѣ точнаго выраженія въ законодательныхъ требованіяхъ, и этой-то неопредѣленностью закона широко пользовались землевладѣльцы.

Прежде всего они широко воспользовались понятіемъ „старины“. Подъ „стариной“ первоначально подразумѣвался тотъ довольно невинный фактъ, что человѣкъ достаточно долго прожилъ въ данной мѣстности. Но изъ этого невиннаго факта землевладѣльцы сумѣли мало-по-малу сдѣлать опасное орудіе противъ крестьянства. Въ то время положеніе было уже таково что самъ, по доброй волѣ, человѣкъ подолгу на одномъ мѣстѣ не засиживался. Значитъ, если человѣкъ сталъ старожиломъ, живетъ по „старинѣ“, то его къ этому принуж-

даютъ какія-либо постороннія силы... Что же это могли быть за силы? Долгъ землевладѣльцамъ—вотъ что приходило прежде всего въ голову хозяевамъ земли. Значитъ, за этими старожилами надо приглядывать получше; значитъ, къ этимъ старожиламъ землевладѣлецъ можетъ предъявлять большія права, чѣмъ къ новымъ поселенцамъ. Отсюда готовность правительства оказывать землевладѣльцамъ особыя услуги при рѣшеніи ихъ споровъ со старожилами. „Старина“ является, такимъ образомъ, доводомъ противъ свободы крестьянскаго перехода. Приверженность землевладѣльцевъ къ старожиламъ стала мало-по-малу доходить до того, что они начали въ нѣкоторыхъ случаяхъ закладывать и завѣщать свои земли „со крестьяны“, подразумѣвая очевидно старожильцевъ.. Въ 1566 году напримѣръ, Пелединскій заложилъ свое Бѣжецкое сельцо Годунову подъ условіемъ: „владѣть ему, Годунову, тою вотчиною за ростъ два года со крестьяны“...

Съ другой стороны, передъ глазами землевладѣльцевъ были холопы, какъ и во времена „Русской Правды“. Кого слѣдовало считать холопомъ, законъ, конечно, точно опредѣлялъ, и теперь, какъ и прежде, холопъ и свободный крестьянинъ были связаны цѣлымъ рядомъ переходныхъ состояній. Само собой разумѣется, землевладѣльцы не дремали и постарались изъ такого положенія вещей извлечь все, что можно. А возможнымъ оказалось слѣдующее. Прежде всего землевладѣльцы постарались, чтобы возможно увеличилось количество „кабальныхъ холоповъ“. Кабальные холопы образовались благодаря займамъ. Человѣкъ получалъ взаймы извѣстный капиталъ подъ условіе, что онъ будетъ у кредитора въ службѣ, пока не будетъ уплаченъ долгъ; служба эта считалась какъ бы процентомъ на капиталъ: „за ростъ“... Въ концѣ концовъ, долгъ въ срокъ не уплачивался и должникъ оставался кабальнымъ холопомъ до смерти своего кредитора. Не трудно догадаться, что при томъ безвыходномъ состояніи, въ которомъ находились крестьяне того времени, изъ среды крестьянства не мало попадало въ число кабальныхъ холоповъ. Такимъ образомъ, часть сельскаго населенія превращалась въ кабальныхъ холоповъ и попадала въ ту непосредственную и постоянную личную зависимость отъ господина, которой не знали крестьяне, жившіе своими дворами и особыми хозяйствами...

Много способствовала смѣшенію крестьянства съ холопствомъ и наличность такъ называемыхъ „задворныхъ людей“. Нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ часть своихъ дворовыхъ холоповъ сажали на земледѣльческую работу, и тогда эти „задворные люди“ мало чѣмъ отличались отъ крестьянства; въ число задворныхъ, повидимому, попадали и крестьяне. Въ силу такого положенія вещей, дѣйствительно, раз-

ница между задворными людьми (особенно холопами) и крестьянами стиралась уже окончательно. Создавался обычай, опасный для крестьянства и могучій попустительствомъ правительства.

Такое положеніе вещей становилось еще болѣе опаснымъ для крестьянства въ силу того, что еще на зарѣ самой исторіи крестьянства, крестьянинъ, какъ мы видѣли, какъ-то самъ собой обратился въ преуменьшеннаго мужа, „въ мужика". Землевладѣльческій классъ за это время выросъ численно, окрѣпъ въ своихъ правахъ, захватилъ всю государственную власть въ свои руки, а земледѣлецъ, пахарь, какъ былъ „мужикомъ", такъ и остался имъ въ теченіе всего періода. По судебнику и теперь за безчестіе крестьянина полагалось только рубль, тогда какъ за безчестіе дѣтямъ боярскимъ налагался штрафъ иногда въ пятьдесятъ разъ большій. Мудрено ли, что при такомъ низкомъ правовомъ положеніи, при такой экономической зависимости, при такомъ равнодушіи закона къ отношеніямъ между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ, послѣдній все чаще и чаще началъ прибѣгать къ голому насилію надъ крестьяниномъ, и уже въ нѣкоторыхъ памятникахъ XVI вѣка свидѣтельствуется объ „истязаніяхъ бичемъ христіанъ, братій нашихъ"...

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ исподволь „двухвѣковою практикой" подготовлялось крѣпостное право.

Измѣнились-ли основы внутренней жизни крестьянства за разсмотрѣнный періодъ?

Мы видѣли, что внѣшнія условія, въ которыхъ протекала жизнь русскаго крестьянства за первые шесть-семь вѣковъ его существованія, измѣнились въ очень значительной степени и въ худшую для него сторону. Свободное и равноправное съ другими свободными людьми крестьянство, какимъ оно было на зарѣ русской исторіи,—богатырь Микула Селяниновичъ нашихъ былинъ,—къ XVII вѣку оказалось стѣсненнымъ и въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Противъ него теперь стоялъ сильный и обширный классъ землевладѣльцевъ, который захватилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всю политическую власть. Благодаря такому положенію вещей, крестьянство все больше и больше сводилось на положеніе простыхъ рабовъ. Впрочемъ высшіе классы, въ лицѣ землевладѣльцевъ и правительственныхъ чиновниковъ по прежнему очень мало интересовались внут

реннимъ бытомъ крестьянства. Они употребляли всѣ свои усилія лишь къ тому, чтобы усилить доходъ отъ крестьянства; вопросъ же о томъ, какъ крестьянство справлялось съ трудными задачами, выпадавшими на его долю, мало интересовалъ высшіе классы того времени; столь-же мало интереснымъ представлялся для нихъ вопросъ о томъ міросозерцаніи, которымъ было и проникнуто крестьянство и которымъ опредѣлялся его внутренній бытъ. Этотъ высшій классъ землевладѣльцевъ и самъ былъ слишкомъ мало образованъ для того, чтобы усвоить какое либо новое міросозерцаніе, болѣе соотвѣтствовавшее его собственнымъ интересамъ; по той-же причинѣ онъ былъ слабъ и малодѣятеленъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось касаться перевоспитанія народныхъ массъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какъ относились правительство и землевладѣльцы къ общинному строю крестьянской жизни, который былъ выработанъ, какъ мы видѣли, естественнымъ ходомъ разселенія свободнаго народа по лицу ничьей, Божьей земли.

Мы уже говорили о томъ, какъ при первой же крупной финансовой задачѣ — уплатѣ татарской дани — правительство не нашло ничего лучшаго, какъ использовать въ этихъ цѣляхъ общину, связавъ ея членовъ круговой порукой, т.-е. обязавъ каждую общину отвѣчать за исправность платежей со всѣхъ ея членовъ. Эта система была принята и введена нашимъ правительствомъ и во всей послѣдующей его дѣятельности, когда счеты съ татарскимъ владычествомъ были окончены. Не трудно видѣть, что если круговая порука и не являлась необходимымъ условіемъ общинной жизни, если круговую поруку можно разсматривать, какъ навязанный придатокъ къ общиннымъ порядкамъ, то во всякомъ случаѣ круговая порука не могла вліять разлагающимъ образомъ на общинные порядки и общинное міровоззрѣніе крестьянства.

Дѣйствительно съ давнихъ временъ и почти до начала XX вѣка на всей шири русской земли деревня придерживалась одного и того-же порядка раскладки податей Обыкновенно всѣ денежные платежи крестьянъ, кѣмъ бы они не были наложены или въ пользу кого бы они не шли, — складываются въ одну общую сумму, а затѣмъ распредѣляются по дворамъ соразмѣрно той доли, которую каждый дворъ получилъ изъ общинной земли.

Такъ происходитъ раскладка податей и повинностей въ современной деревнѣ, такъ же происходила она и въ средневѣковой Россіи, когда была введена круговая порука, такъ какъ при наличности круговой поруки и общинныхъ распорядковъ это — единственный способъ рѣшенія данной задачи, при которой правительство не желаетъ считаться съ каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ

Со временемъ подобные порядки сбора податей и повинностей еще больше действовали въ смыслѣ утвержденія власти общины въ крестьянскомъ бытѣ. Различныя общины были обложены различнымъ количествомъ податей и повинностей, соразмѣрно съ количествомъ пахатной земли, записанной за этими общинами въ „данскихъ“, а затѣмъ „писцовыхъ“ книгахъ, составляемыхъ соотвѣтственными чиновниками. Но отношеніе между количествомъ населенія и количествомъ пахатной земли, записанной за нимъ, не оставалось безъ измѣненія, особенно въ то время, когда населеніе еще недостаточно прочно осѣло во многихъ мѣстахъ. Очень часто оказывалось, что то количество пашни, которое должна была оплачивать та или другая община, было не подъ силу оставшемуся на данномъ мѣстѣ населенію; часть пашни запускалась, не давала уже больше дохода, но по прежнему несла на себѣ подати и повинности, —обложеніе становилось непосильнымъ для населенія. Отсюда многочисленныя жалобы со стороны плательщиковъ: отсюда-же разрѣшеніе со стороны правительства общинамъ возвращать своихъ тяглецовъ на мѣста, съ которыхъ они сбѣжали и на которыхъ не оставили никакого плательщика.

Такъ усиливалось вліяніе общины на земляхъ, занятыхъ государственными крестьянами.

Точно также и на частновладѣльческой землѣ общинные порядки въ большинствѣ случаевъ не были разрушены новыми хозяевами земли Частные владѣльцы точно также, какъ и государство воспользовались готовой формой общежитія для того, чтобы при помощи его наиболѣе усиленно выкачивались всякіе подати и поборы изъ крестьянской массы. Приведемъ примѣръ. Въ 1564 году промежъ крестьянъ Сумской волости возникло „смущеніе великое о волостныхъ розрубѣхъ и о всякихъ тяглѣхъ“; тогда соловецкій игуменъ Филиппъ, въ имѣніи котораго сидѣли крестьяне, „посовѣтовавъ съ братіей, написалъ имъ указъ о всякихъ разрубѣхъ и тяглѣхъ“; въ своемъ „указѣ“ онъ предписалъ крестьянамъ для раскладки выбирать „всею волостью“ особыхъ окладчиковъ: въ случаѣ кто-либо изъ выборныхъ не захочетъ итти въ окладчики, то подвергать его опредѣленнымъ въ указѣ наказаніямъ. Тутъ передъ нами опять-таки уже знакомая картина: возложеніе на самихъ крестьянъ, иначе говоря, на ихъ общины задачъ по сбору податей и налоговъ.

Такимъ образомъ, всѣ государственные и землевладѣльческіе порядки, которые твердо установились надъ крестьянскимъ міромъ къ XVII столѣтію, дѣйствительно, не только не разрушили общинныхъ порядковъ и общиннаго міросозерцанія русскаго крестьянства, но привели ихъ къ болѣе живому и настойчивому примѣненію въ виду нава-

ленныхъ извнѣ на крестьянство новыхъ задачъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, что община въ то время являлась живой и способной къ развитію, стоитъ только взглянуть на ту работу, которую она выполняла, и какъ она ее выполняла. На первыхъ же шагахъ можно указать, что, исполняя свои обязанности по раскладкѣ податей и повинностей, община часто облюбовывала истинно-демократическій принципъ — раскладку сообразно доходности каждаго члена. При раскладкѣ податей община со своими выборными начальниками принимала въ расцѣнку все имѣніе каждаго крестьянина, и дворъ, и домашнюю скотину, и пашню, и получаемый съ нея хлѣбъ, промысловыхъ работниковъ въ семьѣ, какъ прямо сказано въ одной царской грамотѣ на Колмогоры (1578 г.)....

Несомнѣнно, далѣе, что при помощи общины крестьянство иногда умѣло добиваться защиты своихъ интересовъ съ неизмѣримо большимъ успѣхомъ, тѣмъ это было доступно какому-нибудь отдѣльному члену крестьянскаго міра. Отъ конца XVII вѣка сохранилась, напримѣръ, челобитная старосты, цѣловальниковъ и всѣхъ крестьянъ Зосиминской пустыни, въ которой они просили монастырскихъ властей убавить число требуемыхъ съ нихъ работниковъ: просьба монастырскихъ сиротъ была услышана: власти сочли возможнымъ облегчить ихъ повинности....

Несомнѣнно также, что и передѣлы во многихъ мѣстахъ не оставались безъ постояннаго примѣненія. Въ этомъ отношеніи являются весьма убѣдительными показанія судебниковъ царя Федора Ивановича. Въ этомъ памятникѣ мы находимъ установленіе правилъ, которыми должны направляться передѣлы и раздѣлы земли между „сосѣдями" или „складниками", составлявшими мелкую общинную ячейку.

Если Судебникъ находилъ необходимымъ устанавливать для передѣловъ и раздѣловъ земли особыя правила, то, значитъ они въ то время представляли достаточно распространенное явленіе.

Но, быть можетъ, самымъ яркимъ доказательствомъ жизнеспособности общины того времени является та роль, которую она мѣстами всетаки играла и въ политической жизни страны. „Правительство (XVI ст.), пишетъ профессоръ Бѣляевъ, — явно стремилось къ тому, чтобы вообще поставить общины въ основаніе управленія, оно не только дозволило имъ самосудъ по ихъ выбору, но и дало право жизни и смерти надъ своими членами и даже надъ выборными начальниками. Мало этого: законъ передалъ въ полное распоряженіе общинъ — управлять-ли имъ самимъ собою черезъ своихъ выборныхъ начальниковъ, надъ которыми онѣ имѣли право жизни и смерти, или просить правителей у

государя, которые уже не зависили отъ общинъ"... И дѣло управленія при такихъ условіяхъ шло съ замѣтнымъ успѣхомъ... Не трудно понять, что это возможно было только въ томъ случаѣ, если законъ нашелъ на мѣстѣ достаточно сорганизованную и крѣпкую общинную жизнь.

Такимъ образомъ, всѣ приведенные здѣсь факты и соображенія дѣйствительно подтверждаютъ ту мысль, которую мы высказывали уже неоднократно. Наше правительство къ концу XVI и началу XVII вѣка, т.-е. за триста—четыреста лѣтъ до нашего времени, весьма въ значительной степени стѣснило личныя права крестьянства, но общиннаго строя крестьянства оно не тронуло, находя даже удобнымъ воспользоваться готовой формой общежитія для того, чтобы глубже провести въ народныя массы пріемы своей политики.

Тоже можно сказать и о демократическихъ принципахъ, на которыхъ строились взаимныя отношенія земледѣльцевъ другъ къ другу еще съ отдаленной эпохи перваго образованія русскаго государства. Административныя и судебныя обязанности возлагались на выборныхъ, которые должны намѣчаться внутри общины, повидимому, путемъ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права, которымъ, согласно давнему обычаю, были надѣлены всѣ домохозяева. Слѣдовательно демократичность основъ, на которыхъ строились взаимныя отношенія крестьянства, остается внѣ сомнѣнія.

Эта любовь къ личной самостоятельности, сохранившаяся въ крестьянствѣ, отмѣчается проф. Бѣляевымъ и на слѣдующемъ любопытномъ фактѣ. Несомнѣнно, что масса крестьянская была очень часто въ такомъ тяжкомъ экономическомъ положеніи, что потеря личной свободы, переходъ въ холопство для многихъ и очень многихъ являлись весьма желательнымъ, лишь бы только освободиться отъ тягла, тяготѣвшаго надъ землей. „Но, очевидно, и въ этомъ тяжеломъ положеніи любовь крестьянъ къ свободѣ и къ самостоятельности была такъ велика, что сравнительно немногіе рѣшались мѣнять безотрадную и тяжелую жизнь крестьянина на жизнь боярскаго холопа, свободную отъ тяжестей тягла и обезпеченную боярскимъ содержаніемъ; лучшимъ доказательствомъ служатъ писцовыя книги, въ которыхъ на сто дворовъ крестьянскихъ не приходилось и десяти дворовъ людскихъ или холопскихъ, несмотря на то, что по Судебнику переходъ изъ крестьянства въ холопы былъ свободенъ"...

Но какъ же при такихъ условіяхъ оказались, тѣмъ не менѣе, возможными всѣ тѣ пріемы, которыми въ теченіе вѣковъ подготовлялись наиболѣе отвратительные элементы крѣпостного права? Отвѣтъ ясенъ: крестьянство было разобщено и некультурно; бѣда закрѣпощенія надвигалась на него исподволь, въ различной степени и въ различныхъ

формахъ въ разныхъ мѣстахъ; организованному натиску землевладѣльцевъ крестьянство не могло дать организованный отпоръ... Наконецъ, сопротивленіе и негодованіе крестьянства не достигало сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ и потому, что долгое время въ его распоряженіи оставалось весьма дѣйствительное средство уклоненія — бѣгство съ мѣста, къ которому законодательство долгое время должно было относиться довольно терпимо.

Когда же возникло крѣпостное право?

Теперь мы уже можемъ отвѣтить на вопросъ, когда же возникло крѣпостное право. Нѣтъ такого года, нѣтъ такого одного законодательнаго или административнаго распоряженія, которымъ вводилось бы крѣпостное право. Крѣпостное право сотнями лѣтъ прокладывалось въ русскую дѣйствительность. Мелкими ограниченіями свободы крестьянства, тонкой сѣтью долговъ крестьянства въ пользу землевладѣльцевъ, расхищеніемъ народныхъ земель—вотъ чѣмъ подготовлялись изъ года въ годъ мало-по-малу тѣ до сихъ поръ неизжитые общественные порядки, имя которымъ — крѣпостное право. Законодательство на помощь крѣпостному праву пришло позже. Оно оформило и слегка только доделало то, что уже было сдѣлано въ жизни. Оно сдѣлало эту систему крѣпостного насилія только болѣе стройной и цѣльной. Объ этомъ намъ теперь и предстоитъ сказать нѣсколько словъ.

По мѣрѣ того, какъ ухудшалось положеніе крестьянства, по мѣрѣ того, какъ возрастало угнетеніе его со стороны помѣщиковъ, все больше и больше увеличивалось количество бѣглыхъ крестьянъ. Въ XVI столѣтіи, въ царствованіе Іоанна Грознаго, было окончательно сломлено могущество татаръ: пали царства Казанское и Астраханское. Вмѣстѣ съ этой побѣдой Московскаго государства для русскаго крестьянства открывались огромныя приволжскія степи со своими плодородными почвами. Раньше русскій хлѣбопашецъ не рѣшался проникать въ эту область изъ боязни татарскихъ набѣговъ. Теперь, послѣ покоренія обоихъ татарскихъ царствъ, татарскіе наѣздники уже не были страшны русскому крестьянству, и оно устремилось прочь изъ подвластной и жестокой руки русскаго помѣщика. Какъ велико было это бѣгство крестьянъ со своихъ мѣстъ, можно судить хотя бы по слѣдующему примѣру. Въ 1566 г.; въ Муромѣ числилось 587 жилыхъ домовъ, а черезъ 8 лѣтъ

жилыхъ домовъ тамъ было всего уже 111: такимъ образомъ опустѣло 476 домовъ, т. е. осталось на мѣстѣ менѣе одной пятой всего прежняго населенія.

Особенно разбѣгалось крестьянство отъ мелкихъ помѣщиковъ, которые, соприкасаясь близко съ крестьянствомъ, умѣли, какъ говорится, вытянуть изъ него по лѣдвія жилы. Имѣнія этихъ мелкихъ помѣщиковъ обезлюживались не только потому, что крестьянство устремлялось на новыя, вольныя земли, но и потому, что оно усиленно переманивалось болѣе богатыми и болѣе многоземельными помѣщиками. Вѣдь, земля нигдѣ сама по себѣ ничего не стоитъ; цѣнной, доходной она становится только благодаря труду человѣка. Вотъ почему богатые, многоземельные помѣщики и прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы переманить къ себѣ какъ можно больше крестьянъ. Они часто платили долги за крестьянъ мелкопомѣстныхъ и привозили этихъ послѣднихъ въ свои имѣнія съ тѣмъ, чтобы, конечно, закрѣпить ихъ за собою; установился даже особый порядокъ подобнаго „вывода" рабочей семьи изъ одного помѣстья въ другое. Богатые помѣщики содержали особыхъ служащихъ которые назывались „отказчиками". Эти „отказчики" [illegible]ли по селамъ и деревнямъ мелкихъ помѣщиковъ и уговаривали ихъ крестьянъ воспользоваться своимъ правомъ перехода къ новому владѣльцу около Юрьева дня. Долгъ такихъ крестьянъ, какъ было сказано, уплачивался новымъ помѣщикомъ. Но этого мало. Отказчики не рѣдко уговаривали крестьянъ просто бѣжать къ новому помѣщику, безъ всякой уплаты своего стараго долга. Такихъ бѣглецовъ богатому помѣщику нетрудно было скрыть въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ; тѣмъ болѣе, что каждаго такого бѣглаго крестьянина надо было укрыть всего лишь на пять лѣтъ, послѣ чего искать его уже не позволялось. Мелкіе помѣщики, конечно, не могли сносить равнодушно подобнаго сманиванія „своихъ" крестьянъ: они только и кормились мужицкимъ трудомъ, безъ мужика они были обречены на разореніе. Начались между крупными и мелкими помѣщиками ссоры, жалобы. Эта ссора, которая поднялась тогда изъ-за крестьянства между самими помѣщиками, для правительства была ножъ острый. Трудно было дразнить въ рукахъ крупныхъ помѣщиковъ, которые большею частью были близки къ государеву двору, но и страшно было раздражать мелкихъ помѣщиковъ, которые въ то время представляли все еще главную военную силу государства. Вотъ это послѣднее соображеніе и взяло, въ концѣ концовъ, верхъ; правительство приняло сторону мелкихъ помѣщиковъ.

Въ 1601 г. царь Борисъ запретилъ крупнымъ помѣщикамъ выводить крестьянъ, а оставилъ этотъ выводъ только для мелкихъ помѣщиковъ и то въ очень ограниченныхъ

размѣрахъ. Крестьянамъ, конечно, отъ этого стало еще хуже, потому что такимъ образомъ закрѣпощеніе ихъ явно одобрялось закономъ, и помѣщики могли своевольничать во всю, ничѣмъ уже не смущаясь. Дальше пошло для крестьянства еще хуже. Въ 1607 г. былъ изданъ новый указъ, по которому бѣглый крестьянинъ подлежитъ розыску и возврату даже въ томъ случаѣ, если бы владѣлецъ и не возбуждалъ дѣло объ его бѣгствѣ; въ то же время за пріемъ бѣглецовъ налагаются строгія наказанія. Но какіе сильные удары свободѣ крестьянства ни наносили эти распоряженія правительства, тѣмъ не менѣе все же послѣдняго слова,—слова о прямомъ закрѣпощеніи,—пока выговорено закономъ не было. Это послѣднее слово, этотъ послѣдній камень надъ могилой свободнаго крестьянства, было вымолвлено лишь въ Уложеніи 1649 г.

Въ этомъ законодательномъ памятникѣ прямо сказано, что крестьянинъ прикрѣпляется къ той землѣ, на которой онъ находится „съ племенемъ вмѣстѣ". Такимъ образомъ, законъ прикрѣпилъ не только крестьянина-домохозяина, но и всю его семью — „ихъ братью, дѣтей и племянниковъ, и внучатъ, съ женами и дѣтьми". Вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ Уложеніемъ были отмѣчены и „урочныя лѣта", послѣ которыхъ бѣглаго крестьянина нельзя было уже искать. Слѣдовательно, каждый крестьянинъ теперь становился прикрѣпленнымъ къ той землѣ, на которой его застала перепись; на эту землю его и его дѣтей должны были возвратить въ случаѣ его побѣга, сколько-бы лѣтъ онъ ни прожилъ на сторонѣ.

Но и теперь въ законѣ не было сказано, что крестьянинъ становится рабомъ, холопомъ. Вѣдь государство прикрѣпляло крестьянина къ землѣ для того, чтобы онъ кормилъ помѣщика и давалъ этому послѣднему возможность нести военную государственную службу. Правда, помѣщики уже давно стали распоряжаться крестьянами, какъ рабами, творя надъ ними всякаго рода неправду и насиліе. Но по закону крестьянинъ все же во многомъ отличался отъ холопа.

По закону, напр., крестьянинъ и теперь имѣлъ право искать или отвѣчать въ дѣлахъ гражданскихъ; законъ установилъ плату за безчестіе и увѣчіе крестьянина; крестьянинъ могъ даже вступать въ законныя сдѣлки со своимъ господиномъ и казною. Но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ по-прежнему продолжалъ попустительствовать помѣщику. Такъ напр., въ Уложеніи не установлено наказанія господину за неумышленное убійство своего крестьянина или за жестокое обращеніе, причинившее ему смерть; дальше землевладѣльцу предоставлялось выступать на судѣ вмѣсто своихъ крестьянъ во всякихъ дѣлахъ, за исключеніемъ убійст

ва, разбоя и воровства; въ Уложеніи запрещено также вѣрить доносамъ, а слѣдовательно, и жалобамъ крестьянъ на своихъ господъ „опричь великихъ дѣлъ“, т.-е., кромѣ тѣхъ дѣлъ, которыя касаются здоровья государя и измѣны. Наконецъ, законъ совершенно не вмѣшивался въ хозяйственные расчеты крестьянина съ землевладѣльцемъ: онъ не указывалъ, какого размѣра долженъ быть участокъ, онъ не опредѣлялъ, сколько дней крестьянинъ долженъ работать на своего господина; онъ не говорилъ о томъ, въ какихъ размѣрахъ должны быть платежи крестьянина за арендуемый участокъ; даже больше того: Уложеніе позволяло взыскивать долги землевладѣльца съ крестьянскаго имущества и такимъ образомъ какъ-бы говорило, что нечего господину дѣлать различія между своимъ и крестьянскимъ имуществомъ, что господинъ и на крестьянское имущество можетъ смотрѣть, какъ на свое, что крестьянину не слѣдуетъ имѣть своего имущества. Эти законодательныя поощренія были, какъ нельзя больше на руку помѣщичьему своевластію. Тѣ жалкія права, которыя были оставлены за крестьяниномъ, и которыя никакими мѣрами не были защищены закономъ, вскорѣ окончательно были позабыты помѣщиками. Они стали устраивать браки между своими крестьянами. Они мѣняли и уступали ихъ другъ другу и съ землей, и безъ земли, и цѣлыми семьями, и отдѣльными лицами. Также происходила и покупка и продажа, причемъ эти сдѣлки оформливались и офиціально и открыто записывались въ холопьихъ приказахъ, которые были устроены лишь для дѣлъ о рабахъ, о холопахъ. А для того, чтобы закабаленное крестьянство находилось въ строгомъ подчиненіи на помѣщичьихъ дворахъ, были заведены тюрьмы, кандалы, колодки, битье кнутами, сѣченіе розгами и даже пытки....

Такъ водворилось во всей своей гнусности и непристойности крѣпостное право, или, вѣрнѣе сказать, крѣпостное безправіе. Дальнѣйшія законодательныя мѣры клонились лишь къ тому, чтобы этимъ правомъ могли пользоваться одни лишь дворяне, и чтобы тѣ остатки правъ, которые числились за крестьяниномъ по закону, были отмѣнены.

Правда, крѣпостное право было установлено не для всего крестьянскаго міра, оно простиралось только на помѣщичьихъ крестьянъ, крестьяне же государственные, черносошные должны были бы оставаться внѣ крѣпостного права и его порядка, такъ какъ они принадлежали государству, а не частнымъ лицамъ. Судьба государственныхъ крестьянъ находилась въ рукахъ чиновниковъ, а не частныхъ лицъ. Но чиновники эти были почти поголовно дворяне, по крайней мѣрѣ, верхи этого чиновничества. Не трудно понять, что понятія, которыя они вырабатывали въ частной жизни, они примѣняли и къ общественнымъ та-

шеніямъ. Итакъ, темная, беспросвѣтная ночь крѣпостной эпохи была темной и непроглядной не для однихъ помѣщичьихъ крестьянъ, но и для всего крестьянскаго міра нашей родины.

Освобожденіе отъ крѣпостного права.

Русское крестьянство никогда не мирилось съ крѣпостнымъ правомъ.

Тяжелыми, безотрадными картинами полна вся эпоха крѣпостного права. Не было ни одного честнаго человѣка, сумѣвшаго сохранить въ себѣ живую душу, который не вспомнилъ бы объ этомъ времени съ глубокимъ отвращеніемъ.

Вотъ что, напр., пишетъ одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ соотечественниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Нарисовавъ картину тяжелаго положенія крѣпостныхъ своего отца, у котораго имъ жилось еще сравнительно сносно, онъ продолжаетъ:

„Таковы были дѣла, которыя я самъ видѣлъ въ дѣтствѣ. Картина получалась бы гораздо болѣе мрачная, если бы я сталъ передавать, что слышалъ въ тѣ годы разсказы про то, какъ мужчинъ и женщинъ отрывали отъ семьи, продавали, проигрывали въ карты, либо вымѣнивали на пару борзыхъ собакъ, а потомъ переселяли на окраину Россіи, чтобы образовать тамъ новое село; разсказы о томъ какъ отнимали дѣтей отъ родителей и продавали жестокимъ или же развратнымъ помѣщикамъ; про то, какъ съ неслыханною жестокостью ежедневно пороли на конюшнѣ; про дѣвушку, утопившуюся, чтобы спастись отъ насилія; про старика, посѣдѣвшаго на службѣ у барина и потомъ повѣсившагося у него подъ окнами; про крестьянскіе бунты, укрощаемые николаевскими генералами: запарываніемъ до смерти десятаго или же пятаго и опустошеніемъ деревни. Послѣ военной экзекуціи оставшіеся въ живыхъ крестьяне отправлялись побираться подъ окнами. Что же касается той бѣдности, которую во время поѣздокъ я видѣлъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, въ особенности въ удѣльныхъ,—то нѣтъ словъ для описанія всего“...

Не даромъ прошли для русскаго крестьянства вѣка той тяжкой неволи. Русскій крѣпостной крестьянинъ вырождался. Въ послѣднія десятилѣтія передъ освобожденіемъ

естественный приростъ крѣпостного населенія пріостановился. Во многихъ мѣстахъ выродился и его физическій типъ. Могучая физическая сила, отвага, сметка, лукавая свободная рѣчь, которая такъ типична для былиннаго богатыря, крестьянина Микулы Селяниновича, все это сгинуло, все это стерлось подъ тяжелой пятой крѣпостного дворянства. „Ненависть, смѣшанная со злобой и стыдомъ, наполняетъ мое сердце, когда я гляжу на этотъ жестокій упрекъ", — говоритъ знаменитый писатель нашъ Герценъ по поводу картины „Славянскій невольникъ." „Бѣлорусскій мужикъ безъ шапки, обезумѣвшій отъ страха, нужды и тяжкой работы, руки на поясѣ, стоитъ среди поля и какъ-то косо, безнадежно смотритъ вдаль. 10 поколѣній, замученныхъ на барщинѣ, образовали такого парію (отверженнаго); его черепъ сузился, его ростъ измельчалъ, его лицо съ дѣтства покрылось морщинами, его ротъ судорожно искривленъ, онъ отвыкъ отъ слова. Звѣрный взглядъ и запуганное выраженіе показываютъ, на сколько шаговъ онъ пошелъ вспять отъ человѣка къ животному"... Вотъ во что обратился при благосклонномъ содѣйствіи крѣпостного дворянства нашъ богатырь Микула Селяниновичъ.

Но „русскій народъ уступилъ не безъ боя",—пишетъ тотъ же Герценъ,—„вспомните, что было послѣ Бориса, во время самозванцевъ и междуцарствія: казалось, все государство было объято огнемъ и распадалось, все бродило въ болѣзненномъ волненіи, бралось за оружіе. Откуда эта возбужденность, эта готовность къ бою, откуда эти полчища тушинскаго вора и другихъ? Сѣверо-востокъ Руси покрылся разбойниками, съ ними воюютъ, какъ съ непріятелями, противъ нихъ посылаютъ войска и пушки, ихъ вѣшаютъ сотнями при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. У Стеньки Разина было цѣлое войско. Столѣтіе спустя собралось цѣлое войско вокругъ Пугачева.

„Именемъ Петра III (которымъ дѣйствовалъ Пугачевъ), котораго народъ не зналъ, мудрено было поднять цѣлыя губерніи. Имя его придавало призрачную законность возстанію. Въ сущности народъ бунтовалъ противъ крѣпостного состоянія".

Эти бунты повторялись, хотя и въ меньшей степени, изъ года въ годъ. Уже наканунѣ освобожденія, въ царствованіе Николая Павловича, за 29 лѣтъ насчитано было 556 крестьянскихъ волненій, т. е. круглымъ счетомъ по 19 волненій на годъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ эти волненія повторялись съ особой настойчивостью. Такъ, въ Тверской губерніи за это время было 24 случая крестьянскихъ волненій, въ Костромской и Смоленской—по 23, въ Московской —21, въ Новгородской, Саратовской и Черниговской—по 20, въ Кіевской—19, въ Тамбовской—18, въ Воронежской—17.

Бунты эти, конечно, подавлялись съ неукоснительностью. „По прибытіи въ деревню“, - писалъ императору Павлу въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ посланный для усмиренія крестьянъ Калужскій вице-губернаторъ,—не нашелъ никого изъ крестьянъ, *пересѣкъ кнутомъ женъ ихъ и средняго возраста дѣтей въ страхъ другимъ*“.... Вотъ до какой дикости и озвѣрѣнія доходили нерѣдко эти усмирители, эти защитники крѣпостного дворянства и сами владѣтели многихъ крѣпостныхъ душъ... Или вотъ еще какъ описываетъ усмиреніе удѣльныхъ крестьянъ въ 1831 г. одинъ жандармскій полковникъ: „Начали съ семидесятилѣтняго старика, котораго забили до-смерти и на мертваго уже надѣли кандалы, затѣмъ били еще 13 человѣкъ и только 14-й послѣ трехсотъ ударовъ объявилъ, что будетъ повиноваться... Засѣченные ожили: отлили водой“.

Кромѣ подобныхъ кровавыхъ мѣръ усмиренія, которыя практиковались въ большемъ количествѣ, въ менѣе опасныхъ случаяхъ употреблялись и другія, менѣе звѣрскія мѣры. Такъ, нерѣдко, за неповиновеніе помѣщикамъ ссылали въ Сибирь. Крестьяне, подвергшіеся подобному наказанію по волѣ помѣщика насчитывались многими тысячами. О мѣрахъ укрощенія строптивыхъ домашними средствами, т. е. кнутомъ, розгами, кандалами и даже пыткой, мы уже говорили... И несмотря на всѣ эти средства, крестьяне продолжали протестовать противъ крѣпостного безправія.

Кромѣ бунтовъ, у крѣпостного крестьянства были и другія „свои средствія“. „А между тѣмъ въ деревняхъ становится неловко“, писалъ тотъ же Герценъ:—„крестьяне посматриваютъ угрюмо, всякія вѣсти бродятъ. Тамъ-то помѣщика съ семьей сожгли, тамъ-то убили другого цѣпами, тамъ-то приказчика задушили въ полѣ бабы, тамъ-то камергера высѣкли розгой и взяли съ него подписку молчать“. И, дѣйствительно, только съ 1835 по 1854 годъ крѣпостными было убито 144 помѣщика. Въ теченіе 9 лѣтъ съ 1835 по 1843 годъ за убійство помѣщиковъ было сослано 298 мужчинъ и 118 женщинъ. Еще больше было *покушеній* на убійство помѣщиковъ. Многія изъ такихъ покушеній сохранялись помѣщиками въ тайнѣ для того, чтобы не наталкивать мысль окружающихъ крестьянъ на возможность подобной расправы. Немало, далѣе, совершалось поджоговъ. Наконецъ, многіе изъ крѣпостныхъ искали освобожденія отъ крѣпостныхъ оковъ въ побѣгахъ, а когда это не удавалось—даже въ самоубійствахъ.

Такъ упорно изъ года въ годъ протестовало крѣпостное крестьянство противъ цѣпей, въ которыхъ держало крѣпостное право. Красный призракъ пугачевщины, поддерживаемый глухимъ недовольствомъ крестьянства, постоянно стоялъ передъ глазами помѣщиковъ. „Когда извѣстіе о

смерти Николая Перваго", — разсказываетъ Кропоткинъ, — „распространилось, ужасъ охватилъ какъ нашъ, такъ и сосѣдніе дома. Передавалось, что народъ на базарѣ держитъ себя крайне подозрительно и не только не выражаетъ сожалѣнія, но, напротивъ, высказываетъ опасныя мнѣнія. Взрослые разговаривали не иначе, какъ шопотомъ, а мать твердила постоянно: „Ахъ, не говорите при людяхъ!" Слуги, въ свою очередь, шептались про волю, которую дадутъ скоро. Помѣщики ждали ежеминутно бунтъ крѣпостныхъ, новую Пугачевщину"....

Какія причины привели къ паденію крѣпостного права?

Страхъ новой пугачевщины — вотъ первая и, быть можетъ, главная причина, которая все чаще и чаще заставляла задумываться правительство и дворянъ-крѣпостниковъ о необходимости внести существенныя перемѣны въ положеніе крестьянскихъ массъ. Какъ выросла та старая пугачевщина, какъ постепено подготовлялся тотъ стихійный взрывъ ненависти измученнаго народа, этого наши крѣпостники не знали, но они хорошо помнили по разсказамъ своихъ бабушекъ и дѣдушекъ о тѣхъ ужасахъ, которыми была полна эта стихійная буря. Они видѣли также, что въ народной массѣ снова крѣпнетъ чувство негодованія противъ крѣпостного безправія. Въ то время все чаще и чаще начинали раздаваться жалобы, что „народъ портится". Эти жалобы свидѣтельствовали о томъ, что крестьянскія массы проявляютъ все большее и большее нетерпѣніе. „Прежняя безропотная покорность крѣпостныхъ людей, доходившая иногда до изумительнаго самозабвенія, слабѣетъ съ каждымъ поколѣніемъ", — писалъ одинъ изъ выдающихся наблюдателей того времени — Самаринъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянскіе бунты начинали принимать все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Такъ, незадолго до освобожденія (въ 1847 — 1848 годахъ), броженіе среди крестьянъ, въ имѣніяхъ Голицына въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи продолжалось два года. На второй годъ этихъ волненій крестьяне прекратили всякія барщинныя работы, смѣнили всѣ сельскія власти и подвергли ихъ тѣлесному наказанію за то, что онѣ проявляли слишкомъ большое усердіе по отношенію къ помѣщику. Въ томъ же 1847 году грандіозныя крестьянскія волненія охватили Витебскую губернію. Въ движеніи приняли участіе до 10.000 человѣкъ. Огромными толпами

крестьяне двинулись на Петроградъ. Передъ выступленіемъ они пріобрѣтали ружья, закупали порохъ, лили пули, перековывали лемехи на пики. Полиція и нѣсколько мелкихъ воинскихъ отрядовъ потерпѣли пораженіе. Это крестьянское войско подвигалось, „сохраняя всѣ военныя предосторожности: впереди обоза шла партія человѣкъ въ полтораста, вооруженныхъ дубинами, пращами, косами и проч.; по сторонамъ, въ серединѣ и въ замкѣ также вооруженные люди"... Во время Крымской кампаніи, крестьянство надѣялось найти себѣ волю, вступая въ ополченіе. Эти надежды вызывали крестьянское волненіе на огромной площади Рязанской, Тамбовской, Нижегородской, Кіевской, Симбирской, Саратовской и Тверской губерній. Для усмиренія одной Кіевской губерніи понадобилось 16 эскадроновъ, двѣ роты саперовъ и баталіонъ егерей. „При современномъ настроеніи крѣпостного сословія",—писалъ тогда тотъ же Самаринъ,—„пьяная рѣчь бѣглаго солдата, превратно понятый указъ, появленіе небывалой болѣзни, пріѣздъ государя въ Москву, всякое происшествіе, почему-либо обращающее на себя вниманіе, можетъ произвести гдѣ нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободѣ; ничтожный безпорядокъ можетъ также легко перейти въ бунтъ, *а бунтъ развиться до общаго возстанія*"... Вотъ состояніе духа, въ которомъ должно было находиться дворянство, и, дѣйствительно, находилось, какъ мы видѣли выше, наканунѣ освобожденія. Вотъ почему слова императора Александра II „лучше, чтобы это (т. е. освобожденіе крестьяне) произошло свыше, нежели снизу" были такъ понятны многимъ, наиболѣе разумнымъ изъ крѣпостныхъ дворянъ

Но къ концу крѣпостного права народилась еще новая сила, которая могла сдѣлать крестьянскую революцію для дворянъ-помѣщиковъ того времени еще болѣе страшною, чѣмъ всѣ предыдущія крестьянскія возстанія. Въ Россіи появилась интеллигенція, въ которой теперь чувствовало нужду государство, но которой оно и боялось. Государственная жизнь становилась все сложнѣе и сложнѣе; государственное управленіе требовало все больше и больше знаній, развитія, а слѣдовательно и интеллигентности. Но изъ рядовъ русской интеллигенціи начались открытыя выступленія противъ крѣпостного права. Правительство отвѣчало преслѣдованіями, которыя ставили и просвѣщеніе въ невозможное положеніе. Получалось неразрѣшимое противорѣчіе, такъ какъ, задерживая ростъ интеллигенціи, правительство само ослабляло себя. Незадолго до освобожденія одинъ изъ писателей того времени, М. П. Погодинъ, писалъ, „нельзя жить въ Европѣ и не участвовать въ ея движеніи: не слѣдить за ея изобрѣтеніями, открытіями, физическими химическими, механическими, финансовыми, администра-

тивными, житейскими. Если Австрія и Пруссія могутъ въ одинъ день примчать свои войска къ границамъ Польши, то нельзя намъ влачиться туда два мѣсяца. Если ихъ штуцера берутъ теперь на двѣ тысячи шаговъ, то нельзя довольствоваться намъ тульскими ружьями и надѣяться на одинъ штыкъ, который и не доходитъ теперь до своего мѣста назначенія. Если ихъ коническія пули уходятъ глубже въ тѣло и производятъ рану смертельную, то нельзя намъ стрѣлять прежнимъ горохомъ. Если винтъ сообщаетъ ихъ кораблямъ способность двигаться какъ угодно, то нельзя оставаться намъ со старыми методами кораблестроенія,—а механика, химія, физика, астрономія позовутъ къ себѣ естественныя науки; естественныя науки приманятъ математику, высшая математика потребуетъ философію и проч. Нельзя ограничить число людей образованныхъ извѣстными цифрами, ибо предѣлы этихъ оффиціальныхъ цифръ наполняются, по извѣстному закону, посредственностями и пошлостями, а таланты-то всѣ останутся внѣ оныхъ"...

Но, какъ бы то ни было, интеллигенція подрывалась подъ самые корни крѣпостного права. Она расшатывала вѣру въ справедливость этого порядка вещей Крѣпостное дворянство и правительство не только открытой силой поддерживали безправіе крѣпостного времени, но они старались убѣдить народъ, что крѣпостное устройство общества—устройство справедливое и чуть ли не благословлено самимъ Господомъ и его святыми. Священники, отъ высшихъ до низшихъ, поучали крѣпостныхъ повиновенію своимъ господамъ, а господамъ внушали держаться за крѣпостное право. Такъ въ наставленіи для воспитанницъ учебныхъ заведеній, изданномъ въ 1852 году, были приведены многочисленные тексты изъ Священнаго писанія, будто бы освящающіе крѣпостное право, причемъ прибавлялось: „Берегите крѣпостное право, какъ учрежденіе божественное, какъ Божію заповѣдь"... И многіе изъ крѣпостниковъ-дворянъ вѣрили, что крѣпостное безправіе, дѣйствительно, освящено Богомъ, что, проводя его въ жизнь, они исполняютъ высокосправедливое и полезное дѣло.

Вотъ противъ этой то наивной вѣры и стала возставать нарождающаяся русская интеллигенція. Незадолго до освобожденія крестьянства выступило нѣсколько талантливыхъ писателей, которые заставили задуматься широкое общество о язвахъ крѣпостного права и о томъ, что крѣпостной человѣкъ тоже человѣкъ. А это было ново для огромнаго большинства крѣпостниковъ того времени. „Человѣческія чувства",—пишетъ Кропоткинъ,—„не признавались, даже не подозрѣвались въ крѣпостныхъ. Когда Тургеневъ писалъ „Муму", а Григоровичъ свои повѣсти, въ которыхъ заставлялъ плакать надъ несчастіями крѣпостныхъ,—для

многихъ читателей то было настоящимъ откровеніемъ. „Возможно-ли это? Крѣпостные любятъ совсѣмъ, какъ мы!—восклицали чуствительныя дамы“. Или вотъ другой примѣръ дѣйствія новыхъ идей, выработанныхъ тогдашней интеллигенціей. Императоръ Александръ II, въ бытность свою наслѣдникомъ, былъ закоренѣлымъ крѣпостникомъ. Но вотъ ему пришлось прочесть „Записки Охотника“, написанныя Тургеневымъ. Съ тѣхъ поръ по увѣренію императора, мысль объ освобожденіи крестьянъ болѣе не покидала его. Кромѣ Григоровича и Тургенева, выступили съ подобными произведеніями и другіе писатели. Нѣкоторые изъ выдающихся профессоровъ, несмотря на всѣ притѣсненія, которыя имъ дѣлались со стороны правительственныхъ чиновниковъ, умѣли ярко показать своимъ слушателямъ ненужность и позорность крѣпостныхъ цѣпей, которыя тогда лежали на несчастномъ народѣ. Среди такихъ профессоровъ по своей учености и по своей талантливости особенно выдвигались Мейеръ въ Казани и Кавелинъ въ Москвѣ, которые имѣли огромное вліяніе на учащуюся молодежь. Такъ подрывались мало-по-малу, но неустанно самые корни крѣпостного права.

Крымская кампанія, окончившаяся паденіемъ Севастополя, обнаружила полную неспособность русскаго государства бороться съ европейскими государствами. Она обнаружила полную непригодность государственнаго строя, основаннаго на крѣпостничествѣ. Это разстройство государственныхъ дѣлъ началось еще задолго до освобожденія, оно давало себя чувствовать въ самые блестящіе, казалось бы, моменты крѣпостной эпохи. Къ концу царствованія Екатерины II, напримѣръ, Россія почти не знала другихъ денегъ, кромѣ мѣдныхъ и бумажныхъ. Серебра въ казначействѣ было такъ мало, что серьезно заходила рѣчь о перечеканкѣ въ монету столовыхъ сервизовъ государыни. Во время шведской войны 1788-90 г. г. на русскихъ корабляхъ часто разрывало пушки; наведенное слѣдствіе обнаружило,что пушки эти отлиты еще Петромъ Великимъ въ Воронежѣ и, значитъ, служатъ уже около ста лѣтъ: оставалось удивляться, какъ могутъ онѣ еще служить. Воровство всюду безпредѣльное. „Непостижимо, что происходитъ“,—писалъ внукъ Екатерины, Александръ Павловичъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти бабушки.—„всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка—это ужасно“.... Для того, чтобы измѣнить такое положеніе дѣла, нужно было измѣнить самый строй государственнаго управленія. Но никакія измѣненія не могли быть произведены безъ того, чтобы не было затронуто вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпостное право. Крымская война, которая разыгралась въ концѣ царствованія Николая I, и въ которой мы, между прочимъ столкнулись съ войсками Англіи и Франціи, выса

женными на Крымскомъ полуостровѣ, обнаружила крайній вредъ тѣхъ жестокихъ порядковъ, которые царили въ тогдашней военной службѣ и убивали всякую мысль, всякое живое чувство въ нашемъ солдатѣ. Но измѣнить эти порядки не было возможности до тѣхъ поръ, пока существовало крѣпостное право. „Покуда“, — читаемъ мы въ одномъ прекрасномъ изслѣдованіи о крѣпостномъ правѣ, „существовало крѣпостное право, покуда это явное надругательство надъ правомъ и справедливостью краеугольнымъ считалось камнемъ „порядка вещей“, — ни слезы и раздирающія причитанія семьи, провожающей рекрута на военную службу, какъ на плаху, ни звонкія затрещины и зуботычины, принимаемыя солдатами отъ начальства, ни несмолкаемые стоны солдатъ раздававшіеся въ казарменныхъ задворкахъ, — не могли никого ни заинтересовать, ни удивить, ни растрогать“.... Не могло при крѣпостномъ правѣ быть поставлено и народное образованіе, такъ какъ только на розгѣ и на темнотѣ народной и могло держаться крѣпостное право. Всякое просвѣщеніе грозило въ конецъ подорвать этотъ строй, и потому помѣщики-крѣпостники были всегда злѣйшими врагами народнаго образованія.

Невозможно было упорядочить при крѣпостномъ правѣ и судъ, потому что какой же судъ могъ существовать при своеволіи помѣщиковъ и безправіи крестьянскихъ массъ?.. Такъ и съ другими сторонами общественной жизни: за что ни возьмись никакія перемѣны невозможны при крѣпостномъ правѣ... А государственныя перемѣны становились все болѣе и болѣе настоятельными, потому что государство явнымъ образомъ разваливалось... Приходилось, значитъ, скрѣпя сердце, браться за крѣпостное право...

Наконецъ, нельзя умолчать и о томъ, что крѣпостной трудъ во многихъ мѣстахъ сталъ мало доходнымъ, и нѣкоторые изъ опытныхъ хозяевъ доказывали, что въ выгодахъ самихъ же помѣщиковъ замѣнить его вольнонаемными рабочими. Вотъ, въ общемъ, тѣ причины, которыя привели къ паденію крѣпостного права.

Какъ произошло паденіе крѣпостного права?

Еще задолго до отмѣны крѣпостного права, въ нашемъ правительствѣ разсматривались и разрабатывались вопросы о смягченіи крѣпостного права. Но долгое время наши правители старались устроить „смягченіе крѣпостного права такъ, чтобы не задѣть сколько-нибуть чувствительно дво-

рянства и не раздражить „благороднаго“ сословія. Конечно, изъ всѣхъ подобныхъ попытокъ, ничего кромѣ пустыхъ разговоровъ, не вышло. Даже тамъ, гдѣ правительству хотѣлось про всякій случай заластись расположеніемъ крестьянъ, смягченіе крѣпостного права все же проводилось съ строгимъ соблюденіемъ интересовъ дворянства. А такихъ мѣстъ было нѣсколько.

Прежде всего въ данномъ отношеніи обратилъ на себя вниманіе нашего правительства Прибалтійскій край, гдѣ помѣщиками были нѣмцы, а крѣпостными крестьянами—эсты и латыши. Здѣсь крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости почти за полвѣка до крестьянской реформы на Руси. Но при этомъ освобожденіи правительство исключительно прислушивалось лишь къ голосу дворянъ. Такъ, мѣстному дворянству была предоставлена возможновть вліять на выработку закона объ освобожденіи прибалтійскихъ крестьянъ черезъ своихъ депутатовъ. Ничего подобнаго этому крестьянамъ не было, конечно, предоставлено. Вотъ почему крестьяне здѣсь были освобождены безъ земли, и хотя личное рабство ихъ и было уничтожено, но полная экономическая зависимость ихъ отъ помѣщиковъ сохранилась во всей своей полнотѣ. Такимъ образомъ правительство и не полумало здѣсь сколько-нибудь серьезно отстаивать интересы крестьянства.

Выгоднымъ считало наше правительство добиться расположенія крестьянъ, хотя бы до извѣстной степени, и въ губерніяхъ литовскихъ, бѣлорусскихъ, а также Кіевскомъ генералъ губернаторствѣ. Дѣло заключается въ томъ, что многіе изъ помѣщиковъ здѣсь принадлежали къ польской народности, и къ нимъ наше правительство не питало довѣрія, подозрѣвая ихъ въ стремленіи отдѣлиться въ особое государство. Поэтому-то рѣшено было и здѣсь, такъ или иначе, ограничить власть помѣщиковъ надъ крестьянами. Средствомъ для этого были избраны *инвентари*, сущность которыхъ состояла въ слѣдующемъ. По крѣпостному праву помѣщикъ являлся полнымъ хозяиномъ принадлежавшаго ему крестьянина. Онъ могъ ему прибавить земли, могъ и убавить, могъ освободить отъ какой-нибудь работы, могъ и поставить на новую, могъ обложить какимъ-либо новымъ налогомъ. Здѣсь своя рука у помѣщика былъ владыка, и, конечно, онъ беззастѣнчиво, какъ это мы знаемъ, пользовался подобнымъ положеніемъ вещей въ свою пользу. Законъ никогда не предъявлялъ къ помѣщику сколько-нибудь серьезныхъ требованій относительно того, чтобы тотъ не злоупотреблялъ своей властью. Инвентари и были первой попыткой хоть нѣсколько ограничить произволъ помѣщиковъ. Но опять таки все дѣло составленія инвентарей, въ которыхъ указывалось, чѣмъ долженъ пользоваться крестьянинъ

и что отъ него могъ требовать помѣщикъ, а также наблюденіе за тѣмъ, чтобы дворянство исполняло инвентарныя правила, было отдано или въ руки самого дворянства, или въ руки чиновничества, состоявшаго изъ того же дворянства. Ну, а ужъ извѣстно, что „воронъ ворону глазъ не выклюетъ“. Такъ и не вышло никакого толку для крестьянства и изъ инвентарей.

Нѣкоторымъ благоволеніемъ пользовались и крестьяне изъ царства Польскаго. Во время польскаго возстанія въ 1831 году польскіе крестьяне оказали русскому правительству большія услуги. Въ этомъ возстаніи главное участіе принимало польское дворянство. Крѣпостные крестьяне, конечно, ненавидѣли своихъ господъ, а потому хватали ихъ и передавали въ распоряженіе русскихъ властей. Такое положеніе вещей побудило правительство нѣсколько внимательнѣе отнестись къ интересамъ польскаго крестьянства.

Итакъ, для крестьянина, оказавшагося на окраинахъ русскаго государства, такъ какъ онъ представлялъ политическую силу, все же кое что предпринималось. Для коренного же русскаго крестьянина до самаго освобожденія ничего почти сдѣлано не было. „Нѣтъ сомнѣнія“,—говорилъ еще въ 1842 году въ собраніи Государственнаго Совѣта Николай Первый, — „что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи, есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное, но прикасаться къ оному теперь было-бы зломъ еще болѣе гибельнымъ.... Я никогда на сіе не рѣшусь; если время, когда можно будетъ къ тому приступить, вообще еще весьма далеко, но въ настоящую эпоху всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства“.... Не трудно понять, что, при наличности такихъ взглядовъ, работы десяти *тайныхъ* комитетовъ, которые разбирали вопросы крѣпостного права въ царствованіе императора Николая Перваго, остались совершенно безрезультатными. Эти тайные комитеты не собрали даже сколько-нибудь цѣнныхъ матеріаловъ о жизни крѣпостного народа, которыми можно было воспользоваться, когда приспѣло время освобожденія.

Когда императоръ Александръ Второй, послѣ крымской войны, убѣдился, что государство должно разстаться съ крѣпостнымъ правомъ, то, рѣшивши произвести освобожденіе крестьянъ, онъ обратился съ этимъ великимъ дѣломъ къ тѣмъ же дворянамъ.

Мы уже знаемъ, что отмѣна крѣпостного права представляла огромное дѣло, потому что на крѣпостномъ правѣ, какъ на фундаментѣ, была построена вся жизнь государства. Разрушая крѣпостное право, надо было перестроить всѣ общественныя отношенія. А между тѣмъ ни правительство, ни общество не были приготовлены къ этому велико-

му дѣлу и не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ оно должно быть совершено. Да и не мудрено, откуда же было взяться плану или хотя бы простому пониманію дѣла, когда въ теченіе вѣковъ этого вопроса не позволяли касаться не только въ печати, но и въ простыхъ разговорахъ.

Вскорѣ послѣ заключенія мира, закончившаго столь неудачную для насъ крымскую войну, государь сказалъ дворянамъ въ Москвѣ слова, быстро облетѣвшія всю Россію о томъ, что лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, чѣмъ ждать того времени, когда оно будетъ отмѣнено снизу.

И, дѣйствительно, онъ всѣми силами сталъ стремиться къ тому, чтобы дворянство само начало хлопотать передъ правительствомъ и царемъ объ освобожденіи крестьянъ, чтобы освобожденіе крестьянъ представлялось дѣломъ дворянскимъ. Но дворянство, однако, оказалось въ этомъ отношеніи достаточно упрямымъ, и переговоры съ предводителями дворянства, съѣхавшимися въ 18 6 г. въ Москву на коронацію, ни къ чему не привели. Только въ 1857 году поступило заявленіе отъ виленскаго генералъ-губернатора Назимова о томъ, что дворяне трехъ литовскихъ губерній готовы были бы освободить своихъ крестьянъ, но безъ земли. Мы знаемъ, что въ этихъ губерніяхъ были введены инвентаря, которые должны были нѣсколько сократить своеволіе, чинимое дворянами надъ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Мы знаемъ также, что до поры до времени эти инвентари очень мало приносили пользы крестьянству. Но теперь, когда о крестьянской реформѣ заговорили рѣшительно, литовскіе дворяне стали опасаться того, что инвентари, дѣйствительно, могутъ стѣснить ихъ свободу распоряженія, и нашли болѣе выгоднымъ освободить крестьянъ безъ земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ освободить свою землю отъ всякаго надзора со стороны правительства, и на этой то освобожденной землѣ господствовать надъ освобожденнымъ крестьянствомъ при помощи арендныхъ платъ и дешевой заработной платы не хуже прежняго.

Государь очень обрадовался этому заявленію виленскаго генералъ-губернатора и тотчасъ же обратился къ литовскимъ дворянамъ съ торжественнымъ воззваніемъ, въ которомъ излагалъ свой взглядъ на освобожденіе. Вотъ главнѣйшія условія освобожденія крестьянъ, какъ они рисовались Александру II, когда онъ приступилъ къ реформѣ.

1) „Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее количество земли для обезпеченія ихъ быта и для

выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ; получивши землю, они платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику".

2) „Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція".

3) „При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ".

Эти условія, на которыхъ предполагалось первоначально освобожденіе крестьянъ, какъ видимъ, были чрезвычайно жалкими. Крестьяне должны были получить при этомъ освобожденіи лишь „усадебную осѣдлость". Что Александръ II подразумѣвалъ подъ словами «усадебная осѣдлость», въ его воззваніи выяснено не было, а потому, очевидно, это надо было понимать въ общеупотребительномъ значеніи, т. е. подъ именемъ усадебной осѣдлости считать тотъ жалкій клочекъ земли, который находится подъ постройками и дворомъ. Такимъ образомъ почти вся земля оставалась собственностью помѣщиковъ и крестьяне становились ихъ арендаторами. Каково должно быть положеніе этихъ арендаторовъ, объ этомъ можно судить потому, что помѣщикъ въ своемъ помѣстьи облекался полицейской властью. Да и эта земля и „воля" доставались крестьянству не сразу, а реформа, какъ предполагалъ государь, должна проводиться постепенно, „дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній..."

Какъ правительство наше стремилось выставить освобожденіе крестьянъ дворянскимъ дѣломъ и сложить съ себя отвѣтственность за рискованный шагъ, къ которому его вынуждали историческія условія, видно изъ послѣдовавшихъ за тѣмъ событій. Такъ, неожиданно для себя получили рескриптъ (торжественное обращеніе), подобный только что приведенному, петербургскіе дворяне, которые и не думали хлопотать объ освобожденіи крестьянъ, а вели переговоры лишь объ инвентарныхъ правилахъ. Нѣчто подобное произошло и съ нижегородскимъ дворянствомъ, которое дало увлечь себя цвѣтистою рѣчью военнаго губернатора А. Н. Муравьева и 17 декабря 1857 года представило правительству адресъ съ заявленіемъ о готовности приступить къ устройству крестьянъ на началахъ, указанныхъ правительствомъ. Нижегородскіе дворяне очень быстро сообразили, что попали впросакъ и тотчасъ отправили вдогонку за адресомъ депутацію, которая должна была заявить, что адресъ является недѣйствительнымъ, и нижегородскіе дворяне не имѣютъ ни малѣйшаго желанія освобождать крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Однако, въ Петербургѣ адресъ

поторопились представить государю, и депутаціи не удалось исправить этой дворянской „ошибки“. Но особенно упорнымъ въ данномъ отношеніи оказалось московское дворянство. Оно отмалчивалось до тѣхъ поръ, пока ему не дали почувствовать, что поведеніе его считается неприличнымъ. Большинство остальныхъ дворянскихъ собраній понимало, что упорство ихъ теперь ни къ чему не приведетъ, а можетъ вызвать только крестьянскія волненія, которыхъ они всегда боялись. Впрочемъ, были и такія дворянства, которыя и на этотъ показной шагъ рѣшились только послѣ усиленнаго давленія изъ Петербурга. Но какъ бы тамъ ни было, къ іюню 1858 года соотвѣтствующіе адреса были доставлены отъ дворянъ всѣхъ губерній. Получилось, дѣйствительно, впечатлѣніе, что сами дворяне идутъ навстрѣчу освобожденію. Но подъ покровомъ этихъ адресовъ, къ которымъ дворянство было принуждено правительствомъ, наши дворяне употребляли всѣ средства чтобы затормозить реформу. Вотъ что, напр., писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ Я. А. Соловьевъ, одинъ изъ современниковъ и общественныхъ дѣятелей эпохи освобожденія: „полнаго *безусловнаго* сочувствія и желанія приступить къ освобожденію крестьянъ *на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ* не обнаружилось ни въ одной губерніи. Отовсюду поступали отзывы о затрудненіяхъ, препятствіяхъ и даже совершенной непримѣнимости опубликованныхъ началъ устройства крестьянскаго быта“. А мы видѣли, какъ скромны, какъ, можно сказать, ничтожны были эти „начала устройства крестьянскаго быта“, которыя были опубликованы правительствомъ, и которыя всецѣло отдавали крестьянство въ экономическое рабство дворянъ. Такимъ образомъ дворянство оставалось упорнымъ врагомъ освобожденія крестьянъ, и тѣмъ не менѣе дѣло освобожденія крестьянъ было отдано въ дворянскія руки. Во всѣхъ губерніяхъ были немедленно образованы *губернскіе комитеты* изъ выборныхъ отъ дворянства, и эти-то губернскіе комитеты и должны были разработать основы реформы.

Первымъ дѣломъ этихъ губернскихъ комитетовъ было обезопасить себя отъ всяческихъ увлеченій со стороны правительства. Въ рескриптѣ было сказано, что усадебная осѣдлость должна оставаться въ собственности крестьянства. Конечно, подъ „усадебной осѣдлостью“ обыкновенно подразумѣвается ничтожный клочекъ заселенной земли, а вдругъ тамъ, въ Петербургѣ, подъ этой усадебной осѣдлостью подразумѣвается что-нибудь иное. Надо немедленно же оградить себя отъ подобной опасности, и вотъ огромное большинство губернскихъ комитетовъ высказывается за то, чтобы освобожденному крестьянству, во всякомъ случаѣ, было отпущено земли меньше того количества, которымъ оно пользовалось при крѣпостномъ правѣ. Но въ самомъ ли дѣлѣ

у крѣпостныхъ крестьянъ было въ распоряженіи излишнія земли. Конечно, нѣтъ. Извѣстно, какую жалкую жизнь въ большинствѣ случаевъ приходилось вести крѣпостному крестьянству. На тѣхъ надѣлахъ, которыми въ это время располагало надѣльное крестьянство, оно едва-едва прокармливало себя. Всякое сокращеніе надѣловъ должно было отозваться самымъ тяжелымъ образомъ на крестьянскомъ хозяйствѣ. Но это все не остановило нашихъ дворянъ-помѣщиковъ, и они со всѣхъ концовъ земли русской вопіяли о томъ, чтобы крестьянамъ въ надѣлъ было отрѣзано земли меньше той площади, которой они въ дѣйствительности пользовались во время крѣпостного права. Нѣкоторые губернскіе комитеты рѣшились даже лицемѣрно утверждать, что чѣмъ больше будетъ земли у мужика, тѣмъ хуже будетъ ему потому что гдѣ нашему крестьянину справиться съ большимъ надѣломъ?

Не лучше дѣло обстояло въ губернскихъ комитетахъ и по вопросу о томъ, сколько крѣпостникъ-помѣщикъ получаетъ доходовъ со своего имѣнія. Большинство комитетовъ съ виду тутъ какъ будто бы и свеликодушничало. Въ самомъ дѣлѣ, они постановили, чтобы крестьянинъ за полученный въ *пользованіе* (а не въ собственность) надѣлъ отрабатывалъ не три дня въ недѣлю, какъ предлагалъ безрезультатно еще императоръ Павелъ, а только два дня въ недѣлю. Такимъ образомъ барщинныхъ работъ за каждымъ крестьяниномъ въ году насчитывалось бы не 156, а 104 дня. Выходило, какъ будто дворянство дарило крестьянамъ цѣлыхъ 52 дня барщинныхъ работъ. Но это великодушіе осталось въ сущности подъ большимъ сомнѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, большую часть рабочихъ дней помѣщикъ отъ каждаго крестьянина могъ потребовать лѣтомъ, какъ впрочемъ это было и при крѣпостномъ правѣ, когда барщинныя работы производились преимущественно лѣтомъ, а зимой требовали крестьянъ рѣдко. Такимъ образомъ, это дворянское великодушіе стремилось сохранить старый крѣпостной порядокъ пользованія крестьянской силой, только въ замаскированномъ видѣ.

Оставался еще одинъ важный вопросъ: въ какую сумму слѣдуетъ оцѣнить отдаваемый крестьянамъ надѣлъ? Тутъ губернскіе комитеты не позаботились сохранить приличіе, хотя бы даже для виду. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что по мнѣнію губернскихъ комитетовъ, крестьянамъ должно быть отведено въ надѣлъ земли меньше того количества, которымъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Но за этотъ уменьшенный надѣлъ гг. помѣщики желали получать съ крестьянъ столько же, сколько они получали при крѣпостномъ правѣ, когда крестьянинъ сидѣлъ у нихъ на большемъ надѣлѣ. Высчитывая, что они должны полу-

чать съ крестьянъ за отводимый надѣлъ, губернскіе комитеты вспомнили почти всѣ поборы, получаемые помѣщиками съ крестьянъ (за исключеніемъ кое-какихъ уже очень мелкихъ). Такой разсчетъ оплаты отводимаго надѣла былъ несправедливъ не только потому, что, надѣлъ предполагался меньшихъ размѣровъ, но и потому, что, по освобожденіи крестьянъ помѣщики, освобождались отъ нѣкоторыхъ своихъ обязательствъ, которыя должны были бы стоитъ имъ денегъ. Однимъ изъ такихъ обязательствъ было въ крѣпостное право обязанность помѣщиковъ прокармливать своихъ крестьянъ во время голода. Это обязательство съ освобожденіемъ крестьянъ отпадало отъ помѣщиковъ; но губернскіе комитеты объ этомъ и не вспомнили.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что только эти три вопроса привлекли къ себѣ вниманіе губернскихъ комитетовъ. Все же остальное въ предполагавшейся великой реформѣ дворянами было разработано крайне поверхностно и недостаточно, хотя нѣкоторые изъ этихъ обойденныхъ вопросовъ должны были играть въ жизни освобожденнаго крестьянства огромную роль. Таковъ, напр., вопросъ о томъ, какъ должно быть устроено управленіе крестьянами послѣ освобожденія.

Впрочемъ, было сдѣлано губернскими комитетами и одно доброе дѣло. Правительство, стоя на стражѣ дворянскихъ интересовъ, предполагало сдѣлать переходъ отъ крѣпостного состоянія къ освобожденію постепеннымъ, затянуть реформу на много лѣтъ и дать помѣщикамъ приспособиться къ новымъ условіямъ. Съ этою же цѣлью въ руки помѣщиковъ передавалась и мѣстная полицейская власть. Но дворяне помѣщики въ данномъ случаѣ лучше поняли свои интересы, чѣмъ эти интересы были поняты правительственными чиновниками, и предпочли поскорѣе покончить съ обязательными отношеніями къ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ. Вотъ почему, въ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетахъ былъ поднятъ вопросъ о выкупѣ всей земли, отводимой въ надѣлъ крестьянамъ въ то время, какъ правительство имѣло въ виду лишь выкупъ усадебныхъ клочковъ земли. По проэктамъ этихъ губернскихъ комитетовъ, правительство должно высчитать, какой доходъ приносятъ отводимыя крестьянамъ въ надѣлъ земли, разсчитать, съ какого капитала могъ бы быть полученъ такой доходъ и выдать этотъ капиталъ деньгами или государственными бумагами приносящими доходъ. Само собою разумѣется, что эти выкупные платежи должны быть потомъ разложены на крестьянство и, въ—теченіе нѣсколькихъ лѣтъ возвращены въ государственное казначейство съ соотвѣтственными процентами и уплатой расходовъ по произведенной операціи. Такой выкупъ предполагался *обязательнымъ*,

т. е. такимъ, отъ котораго не могли отказаться ни крестьяне, ни помѣщики.

Для крестьянъ идея такого обязательнаго выкупа полевой земли была полезна тѣмъ, что ускоряла полное личное освобожденіе, которое правительство первоначально думало растянуть на много лѣтъ; вопросъ, конечно, заключался только въ томъ, какихъ размѣровъ будетъ наложенъ выкупъ на крестьянство. Но и для дворянъ всей сѣверной полосы Россіи идея обязательнаго выкупа представляла огромныя выгоды, и этими-то выгодами и была собственно подсказана мысль объ обязательности выкупа.

Тамъ, гдѣ земля, благодаря своему плодородію, была дорога, а именно во всей южной половинѣ Европейской Россіи,—помѣщики крѣпко держались за землю, и имъ выгоднѣе было отпустить крестьянъ безъ земли, такъ какъ эту землю тѣ же самые крестьяне [illegible] въ аренду за хорошую цѣну или [illegible] помѣщику можно было бы завести [illegible] хозяйство. Иначе дѣло обстояло въ сѣверной части Россіи, гдѣ земля большимъ плодородіемъ не отличалась. Помѣщики здѣсь и во время крѣпостного права получали доходъ не столько отъ своихъ земель, сколько отъ самыхъ крѣпостныхъ, которыхъ отпускали на различныя заработки и за это облагали оброкомъ. Здѣсь помѣщикамъ совершенно не улыбалась мысль даромъ,—какъ это предполагало правительство,—выпустить своихъ оброчныхъ крестьянъ и остаться при мало доходной землѣ. Вотъ для этихъ-то помѣщиковъ мысль объ обязательномъ выкупѣ и была якоремъ спасенія. Для того же была придумана слѣдующая система. Каждую первую десятину, отводимую въ надѣлъ тому или другому крестьянскому двору, они рѣшили оцѣнивать выше, чѣмъ вторую; вторую выше, чѣмъ третью и четвертую. Это превышеніе цѣны первой и второй десятины должно быть настолько значительнымъ, чтобы въ него входила цѣнность самого отпускаемаго на волю раба, какъ рабочей силы. Таковы были главныя работы дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, призванныхъ высочайшей властью позаботиться *объ улучшеніи быта и положенія крестьянъ*.

Работы губернскихъ комитетовъ поступали въ *главный комитетъ*, составленный государемъ изъ высшихъ чиновниковъ. Этотъ комитетъ долженъ былъ собрать, провѣрить и привести въ порядокъ матеріалы, поступившіе изъ губернскихъ комитетовъ и подготовить ихъ въ видѣ закона. При главномъ комитетѣ работало нѣсколько комиссій по отдѣльнымъ вопросамъ. Въ этихъ комиссіяхъ и главномъ комитетѣ нашлось нѣсколько лицъ, искренно преданныхъ интересамъ крестьянства. Эти-то лица,—изъ которыхъ можемъ назвать здѣсь Ростовцева и Н. А. Милютина,—и старались

смягчить волненія дворянства. Кое-что имъ въ этомъ отношеніи и удалось сдѣлать. Это видно хотя бы изъ того, что надѣлы, намѣченные въ губернскихъ комитетахъ, были увеличены въ коммиссіяхъ и главномъ комитетѣ вдвое и болѣе. Впрочемъ, у главнаго комитета и его коммисій не хватило мужества отстоять крестьянскіе надѣлы въ томъ размѣрѣ, въ какомъ крестьяне дѣйствительно пользовались землей при крѣпостномъ правѣ. Вездѣ были утверждены болѣе или менѣе значительные отрѣзки (отъ четверти десятины до цѣлой десятины на душу).

Но относительно оцѣнки земли, поступавшей въ надѣлъ, главный комитетъ и его коммиссіи цѣликомъ стали на сторону дворянства и провели ту высокую оцѣнку съ подраздѣленіемъ на десятину, которая была намѣчена наиболѣе предусмотрительными губернскими комитетами. Такимъ образомъ, помѣщики получили выкупъ не только за землю, но и за личность крѣпостного крестьянина, наконецъ, выкупъ этотъ не считался обязательнымъ для помѣщиковъ; но условія его были настолько заманчивы, что помѣщики впослѣдствіи сами охотно шли и на выкупъ полевой земли.

Что касается до устройства освобожденнаго крестьянства, то и тутъ главный комитетъ и его коммиссіи не оказались на высотѣ призванія. Они почти лишили крестьянство самоуправленія, отдали его подъ опеку чиновничества и сохранили для него тѣлесное наказаніе.

Добавимъ еще, что при надѣленіи крестьянъ землей было сохранено общинное землевладѣніе тамъ, гдѣ оно существовало до паденія крѣпостного права. Общинники въ отбываніи повинностей были связаны *круговой порукой*.

Въ дальнѣйшей судьбѣ закона объ освобожденіи крестьянъ, послѣ того какъ онъ вышелъ изъ нѣдръ главнаго комитета, существенныхъ измѣненій произведено не было.

Въ январѣ 1861 г. работы главнаго комитета поступили на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Государственный Совѣтъ утвердилъ всѣ предложенія главнаго комитета. Но и въ Государственномъ Совѣтѣ была внесена одна поправка не въ пользу крестьянъ, чѣмъ реформа была испорчена еще въ большей степени. По предложенію князя Гагарина, Государственнымъ Совѣтомъ было принято, что крестьяне могутъ отказаться отъ своихъ надѣловъ, и тогда они имѣютъ право даромъ получить четвертую часть того, что имъ приходилось бы въ надѣлъ. Такой надѣлъ тогда былъ названъ *четвертнымъ*, а впослѣдствіи получилъ названіе *нищенскаго*, такъ какъ крестьяне при подобномъ надѣленіи должны получать такое ничтожное количество земли, на которомъ не было ни малѣйшей возможности прокормиться. Къ сожалѣнію, крестьяне часто не понимали истиннаго значенія этой великодушной ловушки, и на нищенскій надѣлъ, въ концѣ концовъ, по-

пало до 600 тысячъ душъ. Особенно много такихъ нищенскихъ надѣловъ оказалось въ черноземной полосѣ Россіи, гдѣ помѣщики такъ жадно держались за землю и гдѣ они всѣми правдами и неправдами старались всучить своимъ крестьянамъ нищенскіе надѣлы.

—

Такъ прошла великая реформа освобожденія крестьянъ... Народъ въ теченіе всѣхъ правительственныхъ работъ терпѣливо ждалъ конца своего многовѣкового ига. На самый ходъ реформы онъ не оказалъ ни малѣйшаго вліянія. Напротивъ того, помѣщики-крѣпостники орудовали во всю и взяли въ свою пользу все, что только можно было взять. Отъ этой реформы народъ въ концѣ концовъ не получилъ ни полной воли, ни достаточнаго количества земли. Переберемъ же основныя черты положенія, подписаннаго государемъ одновременно съ манифестомъ 19 февраля 1861 г.

Положеніе, прежде всего, объявляетъ крѣпостныхъ крестьянъ лично свободными, но право собственности на всѣ земли (не исключая и усадебныхъ), которыми пользовались крестьяне при крѣпостномъ правѣ, оставалось за помѣщиками. Изъ этихъ помѣщичьихъ земель крестьянамъ отводились въ пользованіе надѣлы. Размѣры надѣла, повинности и платежи крестьянства за пользованіе имъ устанавливались закономъ и не зависѣли отъ произвола помѣщика. Усадебную землю крестьяне имѣли право выкупить по цѣнамъ, установленнымъ закономъ. Законъ устанавливалъ выкупныя цѣны и для остальныхъ угодій, которыя, однако, могли быть выкуплены только при согласіи помѣщика.

Такой порядокъ вещей, установленный положеніемъ 19 февраля, создавалъ, слѣдовательно, обязательныя поземельныя отношенія между помѣщиками и прежними крѣпостными. Вотъ почему освобожденные помѣщичьи крестьяне назывались *временнообязанными*.

Въ случаѣ же выкупа надѣла обязательныя отношенія прекращались, и временнообязанные крестьяне становились *крестьянами-собственниками*. Для облегченія выкупа правительство открывало свои средства, при чемъ выкупныя суммы взыскивались впослѣдствіи съ крестьянъ. О дарственномъ или нищенскомъ надѣлѣ, установленномъ въ Положеніи, мы говорили уже выше.

По каждому имѣнію составлялась *уставная грамота*, въ которой опредѣлялись поземельныя и повинностныя отношенія крестьянъ къ помѣщику. Эта уставная грамота въ теченіе двухъ лѣтъ съ 19 февраля 1861 г. должна быть окончательно введена въ дѣйствіе. По до введенія уставной грамоты въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ крестьяне должны были отбывать въ пользу помѣщиковъ повинности на прежнемъ основаніи. Такимъ образомъ, хотя своеволіе помѣщика

при этомъ было значительно ограничено, но крѣпостное право какъ-бы затягивалось, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ своихъ отношеніяхъ, еще почти на два года.

Но и это болѣе, чѣмъ скромное, надѣленіе землей не распространялось на дворовыхъ и на крестьянъ мелкопомѣстныхъ (у которыхъ числилось менѣе 21 души муж. пола).

Устройство и бытъ удѣльныхъ, государственныхъ и иныхъ крестьянъ впослѣдствіи были подогнаны также къ Положенію 19 февраля.

Какъ же отнеслось крестьянство къ манифесту и Положенію 19 февраля 1861 г.? Мы уже говорили, что крестьянство проявило удивительное довѣріе къ правительству, рѣшившему покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Какъ только разнеслась вѣсть, что правительство приступаетъ къ отмѣнѣ крѣпостного права, крестьянскія волненія, какъ рукой сняло... Народъ ждалъ .. Но вотъ появилось и самое Положеніе... Кто не умилился въ свое время надъ „Картинкой" Майкова.

„Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ.
И, съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

—

Что жъ такъ слушаютъ малютку?
Аль ужъ такъ умна?
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.
И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!
Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей;
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Увы! въ этой трогательной картинкѣ въ концѣ концовъ оказалось гораздо больше поэтическихъ вольностей, чѣмъ исторической правды... Какъ не старался напустить туману заядлый реакціонеръ, митрополитъ Филаретъ, которому императоръ поручилъ исправить манифестъ, какъ ни трудно было написано самое „Положеніе" тяжелымъ чиновничьимъ языкомъ, но „самый вѣсти смыслъ" не остался для крестьянства „темнымъ". Оно быстро раскусило, что реформа была проведена исключительно въ интересахъ дворянства. Глубокое разочарованіе и недовольство разлилось въ крестьянской массѣ. Мѣстами снова вспыхнули волненія, залитыя крестьянской кровью...

Наше время.

I. Крестьянское разоренiе.

Итакъ, при выходѣ «на волю» земля была дана въ недостаточномъ количествѣ; болѣе плодородные участки были удержаны помѣщиками за собой; надѣлъ часто былъ нарѣзанъ различными клочками, разбросанными на огромномъ пространствѣ; эти куски надѣла нерѣдко нарочно были расположены такъ, чтобы крестьяне были отрѣзаны отъ водопоя, отъ дорогъ, отъ своихъ выгоновъ, и поэтому вынуждены были арендовать помѣщичью землю за какую угодно цѣну; выкупъ за эту землю былъ положенъ несоразмѣрно большой. Не трудно видѣть, что при такихъ условiяхъ наше крестьянское населенiе было обречено на разоренiе.

И, въ самомъ дѣлѣ, крестьянство жадно набросилось на аренду помѣщичьей земли. Крестьянину часто приходится арендовать помѣщичью землю прямо себѣ въ убытокъ, а брать приходится потому что иначе и своей землей нельзя пользоваться, какъ слѣдуетъ.

Еще хуже дѣло обстояло, когда помѣщики отдавали свою землю не за деньги, а за отработку, т.-е. за то, чтобы арендаторы за пользованiе арендованной землей вспахали или скосили или сжали извѣстное количество десятинъ. Въ такихъ случаяхъ аренда обыкновенно обходилась крестьянамъ еще дороже. Вообще, плата за всѣ сельско-хозяйственныя работы стоитъ у насъ на чрезвычайно низкомъ уровнѣ. Но и эта жалкая оплата земледѣльческаго труда сокращается еще больше въ голодные годы. Въ 1891 голодномъ году, напр., въ Воронежской губернiи голодающiе крестьяне шли въ работники за 50 копѣекъ въ мѣсяцъ и три фунта хлѣба въ день; въ Рязанской губернiи нанимались по пяти копѣекъ въ день; въ Уфимской губ. работали изъ за хлѣба.

Въ то же самое время чрезвычайно быстро и ни съ чѣмъ несообразно возрастали и налоги и подати, обременяющiе земледѣльческое населенiе. Такъ, за десятилѣтiе съ 1883 г. по 1892 годъ населенiе увеличилось на 10%, а налоги на 20%. Въ слѣдующее десятилѣтiе съ 1893 г. по 1902 годъ дѣло обстояло въ этомъ отношенiи еще хуже: населенiе увеличилось лишь на 13%, а налоги уже на 49%. Эти налоги особенно чувствительно отзывались на крестьянскомъ населенiи, такъ какъ падали, главнымъ образомъ, на предметы первой необходимости (сахаръ, керосинъ, табакъ, спички, желѣзо, чай, ситецъ, вино). Не дремали и фабриканты, которые, пользуясь покровительственными пошлинами, брали

съ населенія въ тридорога за плохой товаръ. Такъ, высчитано, что еще въ до военное время за уголь переплачивалось населеніемъ около 60 к. съ души въ годъ, за сахаръ—37 коп.; ситецъ—1 руб.; желѣзо—3 р. 75 к... Всего же такія переплаты въ пользу нашихъ отечественныхъ фабрикантовъ еще въ 1902 г., напр., составили около 5 р. 60 к. съ каждой души населенія.

И всѣ эти увеличивающіеся поборы крестьянинъ долженъ былъ добыть на своемъ недостаточномъ и малоурожайномъ надѣлѣ. По расчетамъ (которые были сдѣланы проф. Янсономъ еще въ 70-хъ годахъ, когда и арендныя цѣны на землю и налоги были гораздо ниже) надѣлы въ нечерноземной полосѣ для того, чтобы они могли прокормить населеніе и обезпечить уплату податей,—должны были бы равняться не менѣе 8 дес. на душу (при землѣ не особенно плохой и при данной системѣ земледѣлія), а между тѣмъ „средніе надѣлы бывшихъ государственныхъ не достигаютъ этой цифры, а у бывшихъ помѣщичьихъ они на половину меньше“. Въ черноземной же полосѣ надѣлы, по утвержденію того же проф. Янсона, не обезпечиваютъ даже и уплаты податей. Но съ семидесятыхъ годовъ воды много утекло и въ началѣ XX вѣка на душу въ среднемъ приходится вдвое менѣе того, что приходилось при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости

Вотъ тѣ причины, начало которымъ положено освобожденіемъ крестьянъ и которыя неуклонно вели нашу деревню все къ большему и къ большему обнищанію. Ужасныя голодовки 1873 г., 1880 г., 1883 г., 1891 г., 1905 г. и 1906 г.г. показываютъ, что оставлять деревню въ прежнемъ ея экономическомъ положеніи дальше нельзя. Эти голодовки, которыя уже давно неизвѣстны западноевропейскому крестьянству, охватываютъ часто у насъ огромныя площади Такъ, при неурожаѣ 1891 года пострадало около 20 губерній, причемъ голодовку переживало нѣсколько десятковъ милліоновъ душъ.

Не лучше было положеніе крестьянства и при послѣднихъ голодовкахъ 1905 и 1906 г.г.

Но и въ обычное время, помимо голодовокъ, наше крестьянство въ массѣ ведетъ нищенское, полуголодное существованіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ Л. Н. Толстому пріѣхалъ выдающійся американскій дѣятель Брайанъ. Онъ попросилъ показать ему, какъ живутъ у насъ, въ Россіи, богатые крестьяне, крестьяне средняго достатка и крестьяне бѣдные. То, что онъ увидалъ, превзошло всѣ его ожиданія, и онъ могъ только воскликнуть: „нѣтъ, такую ужасную жизнь американскій гражданинъ вести бы не могъ“! Такова жизнь русскаго крестьянства по сравненію съ американскимъ крестьяниномъ.. Да и не только съ американскимъ

„Я выросъ въ деревнѣ“,—пишетъ извѣстный русскій писатель Діонео,—„но только послѣ возвращенія изъ за границы, послѣ того какъ мнѣ пришлось наблюдать бытъ крестьянъ въ другихъ странахъ, во всемъ ужасѣ представилось отчаянное положеніе русской деревни. Послѣ швейцарскихъ и французскихъ деревень, потрясающее впечатлѣніе на меня произвели засыпанныя снѣгомъ, покосившіяся избы съ разобранными соломенными крышами и оборваннымъ, постоянно голоднымъ населеніемъ... Нигдѣ, ни въ одной странѣ я не видѣлъ такой послѣдней грани нищеты, какъ на родинѣ“...

Для того, чтобы показать эту дѣйствительную грань нищеты нашего крестьянства, надо вспомнить, что за продажей хлѣба для уплаты податей и аренды у крестьянина остается въ среднемъ на душу всего 15—16 пудовъ, въ то время, какъ для достаточнаго питанія человѣка въ годъ нужно, по научнымъ даннымъ, не менѣе 24 пудовъ. И, дѣйствительно, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ на душу, въ среднемъ приходится 62—пуд., въ Даніи—57 пуд., во Франціи—36 пуд., въ Швеціи—31 пуд., въ Германіи—28 пудовъ, въ Бельгіи—27 пудовъ и т. д.

Все это ведетъ русское крестьянство и къ физическому вырожденію. Объ этомъ, напр., говоритъ дѣтская смертность, достигшая въ нашихъ деревняхъ такихъ размѣровъ, до которыхъ она не доходитъ ни въ одной культурной странѣ,

---

Правовое положеніе «освобожденнаго» крестьянства.

Освободившись отъ крѣпостной зависимости, крестьяне не получили полныхъ правъ гражданства, а остались особымъ сословіемъ съ преуменьшенными правами. Пахарь все еще не обратился въ мужа, а остался „мужикомъ“...

Крестьянинъ прежде всего остался привязанъ приписной крѣпостью къ своему сословному обществу. Мѣстомъ осѣдлости для крестьянина считалось не мѣсто его дѣйствительнаго пребыванія и занятій, какъ для другихъ привиллегированныхъ классовъ, а то сословное общество, къ которому онъ приписанъ. Если какому-нибудь крестьянину удалось получить согласіе своего общества на выходъ изъ него, то онъ немедленно долженъ выбрать себѣ для приписки новое общество. Однако каждое общество можетъ безъ объясненія причинъ отказать въ пріемѣ новаго члена. Нерѣдко за такую приписку съ новаго члена берутъ болѣе или ме-

нѣе значительную сумму денегъ. Выходъ изъ общества былъ затрудненъ еще обязательствомъ получить на него согласіе родителей выписывающагося. Подобная крѣпостная зависимость крестьянина отъ своего сословія была источникомъ безчисленныхъ неудобствъ и стѣсненій для всякой практической дѣятельности, которой думалъ заняться тотъ или другой крестьянинъ. На почвѣ этой зависимости происходили многочисленныя злоупотребленія.

Но эта крѣпостная зависимость личности кретьянина отъ его сословнаго общества усиливается благодаря тому, что каждое общество оставалось связаннымъ круговой порукой по уплатѣ податей и повинностей. Наконецъ, каждому обществу было дано право предоставлять своихъ односельчанъ, признанныхъ извѣстнымъ большинствомъ голосовъ „вредными и порочными“, въ распоряженіе правительства для поселенія ихъ въ Сибири. О болѣе мелкихъ формахъ зависимости крестьянина отъ его общества упоминать здѣсь не будемъ. Всѣ эти права прежде принадлежали помѣщику, а теперь перешли къ сельскому обществу. Такимъ образомъ, часть крѣпостного права уцѣлѣла надъ личностью крестьянина въ прежнемъ своемъ видѣ; только распоряженіе личностью крестьянина было отнято у помѣщика.

Пріуменьшеніе гражданскихъ правъ освобожденнаго крестьянства заключалось также въ томъ, что во многихъ отношеніяхъ своей повседневной жизни оно было изъято отъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ. Для крестьянъ былъ созданъ особый волостной судъ, который долженъ былъ рѣшать дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ принятыхъ въ крестьянскомъ быту. Волостной судъ разбиралъ всѣ дѣла по обязательствамъ крестьянъ между собой, о движимости до ста рублей и по вопросамъ о землепользованіи въ предѣлахъ надѣла на ту же сумму. Это исключеніе крестьянскаго сословія изъ дѣйствія общихъ законовъ въ области ихъ повседневныхъ отношеній было тѣмъ тяжелѣе для крестьянъ, что твердо установленныхъ обычаевъ въ крестьянской средѣ въ дѣйствительности не существовало... „У всякой бабы свой обычай, гдѣ ихъ знать“, такъ отвѣчали крестьяне одной мѣстности на вопросы коммисіи сенатора Любощинскаго, которой было поручено въ 70-хъ годахъ обслѣдовать вопросъ объ обычномъ правѣ.

Сказаннаго достаточно для того, чтобы убѣдиться, насколько пріуменьшенными оставались гражданскія права крестьянскаго сословія. Напомнимъ еще, что для крестьянъ и послѣ освобожденія была сохранена подушная подать, ограниченія въ правахъ при поступленіи на государственную службу и, наконецъ, тѣлесное наказаніе, которое возбуждало къ себѣ всегда такое негодованіе среди всего

нашего интеллигентнаго общества и являлось особеннымъ признакомъ униженія крестьянства.

Правда, всѣ эти ограниченія гражданскихъ правъ крестьянства предполагались, какъ временныя мѣры. Отчасти въ этихъ ограниченіяхъ играли соображенія чисто денежнаго характера, желаніе вѣрно и сполна (и даже съ излишкомъ) получить выкупныя суммы. Отчасти тутъ говорили и крѣпостническіе навыки господъ освободителей (тѣлесное наказаніе). За обособленіе крестьянства въ особое сословіе высказывались даже и тѣ, кто стремился при освобожденіи защищать интересы крестьянства, предполагая, что крестьянство, какъ особое сословіе, лучше будетъ защищено отъ всякихъ крѣпостническихъ вожделѣній прежнихъ своихъ господъ. Но, какъ бы то ни было, всѣ эти ограниченія въ правахъ крестьянства разсматривались, какъ временная мѣра, которая въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ должна отпасть, и крестьянство должно сравняться въ правахъ со всѣми другими сословіями. Однако, дѣло повернулось въ дѣйствительности какъ разъ наоборотъ, и крестьянство позднѣе было еще больше ограничено въ своихъ правахъ.

Особенно крутой поворотъ въ этомъ отношеніи произошелъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ. Уже въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ правительство обратило вниманіе на усиливающееся стремленіе къ раздѣлу въ крестьянскихъ семействахъ. Это стремленіе къ самостоятельной жизни было естественнымъ развитіемъ хотя отчасти освобожденной личности крестьянина. Но правительство этого не поняло и по-прежнему не хотѣло замѣчать въ крестьянинѣ развивающуюся личность. Эту точку зрѣнія оно сохранило въ вопросѣ о семейныхъ крестьянскихъ раздѣлахъ. Оно рѣшило, что эти крестьянскіе семейные раздѣлы должны ослаблять платежную силу крестьянства и рѣшило съ этимъ бороться, хотя бы борьба эта приводила къ новому приниженію личности. И вотъ въ 1886 году издается новый законъ о семейныхъ крестьянскихъ раздѣлахъ. Этимъ закономъ свобода крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ сильно стѣсняется и ставится подъ надзоръ мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій. Однако, семейные раздѣлы продолжались съ прежней силой, потому что вызывались къ жизни крайней необходимостью, несмотря на всѣ противодѣйствія особенно со стороны земскихъ начальниковъ. А мѣръ воздѣйствія, дѣйствительно, не жалѣли. Земскіе начальники, напр., отказывали самовольно отдѣлявшимся крестьянамъ въ выдачѣ паспортовъ. По ихъ приказанію волостные старшины насильственно водворяли раздѣлявшихся крестьянъ въ общую хату, отбирали подѣленное имущество и складывали въ одну кучу, безуспѣшно продѣлывая все это по

нѣсколько разъ. Самовольно раздѣлившихся крестьянъ судили уголовнымъ судомъ...

Не меньшую роль въ ограниченіи правъ крестьянства сыгралъ и законъ 1889 года о земскихъ начальникахъ. По этому закону земскіе участковые начальники назначаются изъ мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ, владѣющихъ, по крайней мѣрѣ, усадьбой въ предѣлахъ соотвѣтственнаго уѣзда. Образованія при этомъ никакого не требовалось. Только въ случаѣ отсутствія кандидатовъ со стороны помѣстнаго и потомственнаго дворянства, министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшалось пополнять составъ земскихъ начальниковъ изъ среды чиновниковъ, получившихъ высшее или среднее образованіе.

Земскому начальнику были подчинены всѣ органы сословнаго крестьянскаго управленія. Земскій начальникъ являлся, слѣдовательно, для крестьянства высшей администраціей. Больше того, земскій начальникъ являлся для того же крестьянства и законодателемъ. Въ самомъ дѣлѣ, съѣзды земскихъ начальниковъ могутъ пересматривать и отмѣнять всякіе приговоры крестьянскихъ сходокъ.

Какъ далеко должна была заходить власть земскихъ начальниковъ и до какой степени она могла быть назойлива, можно видѣть изъ того, что земскому начальнику было поручено „попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и *нравственномъ преуспѣяніи* (!) ввѣреннаго ему участка“... Столь же обширны были и средства приведенія въ дѣйствіе этого закона. Самъ и администраторъ, самъ и законодатель, земскій начальникъ, конечно, не долженъ былъ стѣсняться въ своихъ дѣйствіяхъ. И этотъ просторъ обезпеченъ ему въ законѣ: такова была статья 61 положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Эта статья даетъ право земскому начальнику подвергать крестьянъ аресту и денежному взысканію „безъ формальнаго производства, слѣдовательно, безаппеляціонно и немедленно“... Такимъ образомъ, была возстановлена зависимость крестьянъ отъ помѣстнаго дворянства. Но законодательство и на этомъ не остановилось. Подобно тому, какъ крѣпостное право запрещало крестьянамъ жаловаться на своихъ помѣщиковъ, такъ и положеніе о земскихъ начальникахъ 1889 г. отдаетъ крестьянъ въ полное распоряженіе мѣстнаго чиновничества, объявляя постановленія губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій окончательными и подлежащими немедленному исполненію.

Въ слѣдующемъ (1890) году права крестьянъ подверглись еще и дальнѣйшему сокращенію: число гласныхъ отъ крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ было сокращено, и избираемые на земскихъ собраніяхъ гласные должны были представляться на утвержденіе губернаторамъ. Земство те

[illegible]

Въ 18[illegible] [illegible]
еще новы[illegible] [illegible]
[illegible]
и совершеннол[illegible]
з[illegible]бновляются [illegible]
скаго двора". [illegible]
ревню подъ [illegible]
захъ пр[illegible]
благонадежн[illegible]
[illegible]
скимъ нач[illegible]
[illegible]
ковъ. [illegible]
уже не [illegible]
[illegible]
и бытъ возвращ[illegible]
[illegible]
[illegible] ную [illegible].

И [illegible], [illegible]
[illegible] 18[illegible] г., [illegible]
[illegible]
[illegible]
ному [illegible]
крестьянинъ, [illegible]
большей [illegible].

Еще дал[illegible]
миссіи, котор[illegible]
для пересмотр[illegible]
во-первыхъ, [illegible]
характеръ, а, во-вторыхъ, [illegible]
соб[illegible]енія крестьянств[illegible]
шенія его гражданскихъ [illegible]
сія Стишинскаго).

Прогрессивныя теченія въ [illegible] крестьянствѣ.

[illegible]
[illegible]
телей крѣпостного [illegible]
невыносимыхъ [illegible]

какъ ни робки, ни тусклы были реформы шестидесятыхъ годовъ, какъ ни попирались въ нихъ интересы крестьянскіе и ни возвеличивались интересы дворянскіе, какъ ни мало способны они были оградить деревню отъ разоренія и защитить вполнѣ личность крестьянина отъ произвола чиновниковъ и помѣстнаго дворянства,—онѣ, эти реформы, все же ставили личность крестьянина въ неизмѣримо лучшія условія, чѣмъ тѣ, въ которыхъ онъ находился при крѣпостномъ правѣ. Эти реформы шестидесятыхъ годовъ не способны были, по своей недодѣланности, вывести нашу родину на прочный и торный путь развитія, но по сравненію съ крѣпостнымъ прошлымъ онѣ все же были шагомъ впередъ не только для крестьянства, но и для всего общества.

Мало-по-малу въ крестьянствѣ стала возрастать грамотность. Господскія земства не особенно торопились съ народнымъ образованіемъ, и теперь, спустя полстолѣтія послѣ освобожденія, мы все еще далеки отъ всеобщаго обученія, но все же мѣстами для распространенія грамотности было сдѣлано довольно много: таковъ ужъ духъ времени, таковы неотступныя потребности жизни. За учебникомъ въ деревню потянулась популярная книжка, за книжкой—газета. Любовь и уваженіе къ печатному слову возрастаетъ въ деревнѣ изъ года въ годъ. Книжка уже нѣсколько десятковъ лѣтъ завоевала себѣ среди крестьянскаго населенія права гражданства. Уже въ восьмидесятыхъ годахъ изслѣдованія Московскаго, Новгородскаго и Воронежскаго земствъ достаточно ясно подтвердили эти предположенія цифровыми данными.

За это же время усилилось общеніе деревни съ городомъ. Нужда гнала крестьянскую молодежь на фабрики. Здѣсь она попадала въ совершенно новыя городскія условія. Здѣсь она быстро развивалась и среди фабричной обстановки, сводящей подъ одну крышу часто тысячи работниковъ, и въ воскресныхъ школахъ, и въ библіотекахъ, и нерѣдко въ тѣсномъ общеніи съ интеллигенціей. Нужды промышленности заставляютъ самихъ фабрикантовъ искать кадры развитыхъ рабочихъ и содѣйствовать поэтому ихъ образованію. Но та самая нужда, которая гнала деревенскую молодежь на фабрику, поддерживала связь между городскими работниками и деревенскими жителями. Помощь изъ городского заработка часто спасала крестьянское хозяйство отъ окончательнаго разоренія. Напротивъ, въ моменты кризисовъ или стачекъ деревня являлась вѣрнымъ, хотя бы и временнымъ убѣжищемъ для рабочаго, выброшеннаго за бортъ промышленной жизни. Это тѣсное общеніе рабочихъ и крестьянскихъ массъ сильно поднимало развитіе деревни.

Далѣе, даже то жалкое участіе въ изуродованной земской жизни въ качествѣ гласныхъ или участіе въ укороченномъ по всѣмъ направленіямъ судѣ присяжныхъ все таки шевелило крестьянскій умъ, все же наталкивало его на общественные вопросы, заставляло критиковать существующій строй и подыскивать выходы изъ невозможнаго положенія современной деревенской дѣйствительности.

Наконецъ, и глубокія измѣненія, которыя за эти полстолѣтія произошли въ сельскомъ хозяйствѣ, также заставляли крестьянство много думать о томъ, какъ устроиться на землѣ по-новому, вести хозяйство на новыхъ основаніяхъ.. Усовершенствованныя орудія, искусственныя удобренія, травосѣяніе,—все это становилось вопросомъ дня для массы крестьянскихъ хозяйствъ и будило пытливость деревенскаго ума.

За этими мелкими и повседневными задачами деревенской жизни выдвинулась потребность въ общеніи: въ сельскохозяйственныхъ обществахъ, въ кредитныхъ организаціяхъ... Все это шло сначала туго, при сильнѣйшемъ противодѣйствіи правительства, но тѣмъ не менѣе шло впередъ.

Немалую роль въ развитіи деревни сыграло и настроеніе деревенской интеллигенціи, не связанной землей и эксплоатаціей крестьянскаго труда, а посвящающей свои силы дѣлу культуры. Таковыми являлись врачи, фельдшера, учителя, агрономы...

Вотъ тѣ силы, которыя измѣнили прежнюю крѣпостную деревню до неузнаваемости и создали чисто-крестьянскую интеллигенцію. „Знанія средняго деревенскаго человѣка—говоритъ извѣстный изслѣдователь русской деревни г. Щербина—замѣтно увеличились количественно и качественно, и собственно сельская школа или, точнѣе, народное образованіе играло въ этомъ отношеніи, если не единственную, во всякомъ случаѣ преобладающую роль. Это всюду отчетливо сказывается въ деревнѣ—и въ общественной ея жизни, и въ семьѣ, и въ костюмѣ и обстановкѣ и вообще, на людяхъ и на ихъ дѣятельности. Взгляните на совершенно незнакомый вамъ сельскій сходъ,—и вы сразу отличите грамотную молодежь отъ неграмотной. Внѣшній видъ, манера держать себя съ другими, несомнѣнное сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства замѣтно отличаютъ грамотнаго человѣка между неграмотными сверстниками. Особенно рѣзко выдѣляются молодые крестьяне, окончившіе земскую школу. Говоритъ человѣкъ, прошедшій школу сдержанно и толково; при сношеніи съ начальствомъ у него не замѣчается напускного раболѣпства и обидной приниженности". Такова эта чисто-деревенская интеллигенція которая такъ тѣсно связана съ деревенской массой.

Крестьянское возстаніе последнихъ лѣтъ.

Первые признаки надвигающейся грозы особенно остро проявились въ 1902 г., когда въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ крестьянскіе безпорядки впервые послѣ освобожденія приняли массовый характеръ. Здѣсь крестьянство особенно было обойдено при освобожденіи, и потому каждый голодный годъ отзывался на населеніи особенно тяжело, а 1902 г. опять былъ голоднымъ годомъ для названныхъ губерній... Впрочемъ, на этотъ разъ крестьянскіе безпорядки носили характеръ исключительно голоднаго движенія. Крестьяне являлись въ помѣщичьи экономіи, забирали хлѣбъ, кормъ для скота, сѣмена для посѣва и разъѣзжались по домамъ, не производя никакихъ насилій. Подобнымъ образомъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ за нѣсколько дней было „разобрано" около 80 усадебъ. Правительство прибѣгло къ вооруженной силѣ. Приблизительно въ то же самое время происходили мелкіе безпорядки въ Воронежской, Саратовской, Херсонской, Кіевской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Всѣ эти попытки крестьянства выразить свое недовольство быстро подавлялись обычными средствами..

Крестьянство опять притихло... Но ненадолго... Начиная съ 1903 года, учащаются случаи поджоговъ помѣщичьихъ усадебъ, особенно въ Саратовской губерніи. Въ то же самое время не прекращаются и мелкія недоразумѣнія между крестьянами и помѣщиками, которыя кое-гдѣ оканчиваются сопротивленіемъ властямъ (какъ, напр., наиболѣе выдающійся въ этомъ году случай безпорядковъ въ Михайловскомъ у., Рязанской губ., у кн. Гагарина). Подобное же положеніе вещей сохранилось приблизительно и въ 1904 году; глухое броженіе и недовольство чувствовалось во всей толщѣ крестьянства, но рѣзкихъ массовыхъ выступленій еще не было. Бывали и кровавыя столкновенія между властями и крестьянами.

Первые мѣсяцы 1905 г. ознаменовались огромнымъ распространеніемъ массовыхъ порубокъ, которыя охватили площадь неизмѣримо большую той, гдѣ происходили „разборки" помѣщичьихъ усадебъ, и далеко выходили изъ рамокъ тѣхъ порубокъ, съ которыми приходится считаться помѣщичьимъ экономіямъ изъ года въ годъ.

Царское правительство на это движеніе отвѣтило, конечно, обычными своими мѣрами: тюрьмой, ссылкой, розгой, висѣлицами. Сѣченіе крестьянъ „въ административномъ порядкѣ" производилось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Состо-

влась даже командировка г. с. Звягинцева, которому были даны широкія права по усмиренію крестьянства, вплоть до устройства военно-полевыхъ судовъ. Въ то же самое время были образованы „временныя уѣздныя комиссіи" (главнымъ образомъ изъ мѣстныхъ дворянъ и чиновниковъ), задачей которыхъ было выяснить лицъ, „участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ"... и опредѣлять размѣры убытковъ, которые предполагалось взимать безъ разбора со всѣхъ членовъ сельскихъ обществъ, крестьяне которыхъ участвовали въ разгромѣ. Вводилась, слѣдовательно, круговая порука въ отвѣтственности за разгромъ помѣщичьихъ усадебъ.

Но несмотря на всѣ эти мѣры, волненія въ крестьянствѣ не прекращались въ теченіе всей весны и всего лѣта 1905 года, хотя и не достигали такого напряженія, а также распространились и на Прибалтійскій край. Здѣсь, впрочемъ, движеніе началось еще въ 1900 году, а въ 1905 г. лишь достигло наибольшаго развитія. „Въ мартѣ 1905 года",—читаемъ мы у г. Б. Веселовскаго,—„движеніе значительно усилилось особенно въ Курляндской и Лифляндской губ.... Во время возникшаго такимъ образомъ движенія было разрушено нѣсколько имѣній и волостныхъ правленій. Съ апрѣля движеніе замѣтно усилилось (въ этомъ мѣсяцѣ было сожжено 6 усадебъ), при этомъ особенно участились „противоправительственныя" демонстраціи, которыя стали повторяться почти каждое воскресеніе. Все усиливаясь, движеніе приняло въ концѣ іюля „угрожающій характеръ". По донесеніямъ администраціи, „власти не признаются", „арендные платежи не вносятся", „шествія съ красными флагами совершаются ежедневно", т. д. Въ довершеніе всего, въ концѣ іюля вспыхнуло въ восьми уѣздахъ забастовка батраковъ. Объявленное вслѣдъ затѣмъ 6-го августа военное положеніе, въ декабрѣ, во время новой вспышки движенія, было распространено на весь Прибалтійскій край, и съ тѣхъ поръ тамъ воцарились карательныя экспедиціи и разстрѣлы безъ суда и слѣдствія".

Въ это же время стачечное движеніе сельскихъ рабочихъ охватило многія мѣстности Царства Польскаго и Юго-Западнаго края.

Вотъ въ такомъ состояніи находилось крестьянство Европейской Россіи, когда осенью 1906 года надвинулся на нашу деревню новой голодъ, охватившій 25 губерній, на пространствѣ которыхъ отъ неурожая пострадало около 150 уѣздовъ. Голодавшее населеніе при этомъ исчислялось въ милліоновъ душъ. Этотъ голодъ былъ, пожалуй, болѣе страшнымъ, чѣмъ всѣ предыдущія голодовки. Послѣдовала новая вспышка крестьянскихъ волненій.

„Возстаніе началось въ серединѣ октября, почти одновременно въ нѣсколькихъ губерніяхъ, и затѣмъ съ огром-

ной силой перекинулось на большое пространство, охвативъ въ концѣ октября и въ теченіе ноября около 140 уѣздовъ въ 27 губерніяхъ, не считая Кавказа, Польши, и Прибалтійскаго края. За это время было сожжено, „разобрано“ и вообще уничтожено свыше 2000 усадебъ, при чемъ убытки только по 10 наиболѣе затронутымъ губерніямъ опредѣляются, по официальнымъ даннымъ, въ 25 милліоновъ рублей“.

Почти вся Россія съ того времени была переведена на военное положеніе или на положеніе чрезвычайныхъ или усиленныхъ охранъ. Законы потеряли повсюду свою силу.

Возстаніе снова было задавлено тѣмъ болѣе, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ оно носило характеръ стихійныхъ вспышекъ. Но въ 1906 г., съ середины лѣта движеніе опять усилилось, особенно въ Воронежской губ., гдѣ мѣстами были сметены съ лица земли почти всѣ дворянскія усадьбы.

Это же 1906 годъ ознаменовался также широко разлитымъ стачечнымъ движеніемъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, которое правительство хотѣло предупредить „правилами противъ возникновенія стачекъ среди сельскихъ рабочихъ“ (изданными 15 апрѣля).

Заключеніе.

Итакъ, мы видѣли, что въ 60-хъ годахъ оборвалась цѣпь, на которой крѣпостной крестьянинъ сидѣлъ у помѣщика крѣпостника. „Правда, на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ“.... Личность крестьянина оторвалась отъ личности помѣщика, но крестьянское сословіе по-прежнему оставалось на цѣпи у помѣстнаго дворянства и бюрократіи. Конечно, эта цѣпь была болѣе просторной, чѣмъ цѣпь крѣпостная.... Но все же и эта цѣпь была цѣпью тяжелой, которая пригибала народную душу книзу, не давала развиться всей ея предпріимчивости, всѣмъ ея богатымъ талантамъ, всѣмъ ея глубокимъ общественнымъ навыкамъ. Это была цѣпь, которую при всякихъ удобныхъ обстоятельствахъ старались сдѣлать покороче (особенно съ 80-хъ годовъ).

Но старую политику прижимки крестьянскихъ массъ пришлось оставить. Однако, этотъ переломъ въ политикѣ произошелъ не сразу.

При первомъ движеніи крестьянскихъ массъ въ Харьковской и Полтавской губ., въ правящихъ кругахъ господствовала мысль о томъ, что крестьянство не достаточно скру-

чено властью земскихъ начальниковъ. Соотвѣтственно этому явился законъ 5 мая 1903 г., объ учрежденіи полицейскихъ стражниковъ. Этотъ законъ былъ прямымъ отвѣтомъ на харьковскіе и полтавскіе безпорядки, и проведеніе его въ жизнь должно было обойтись около 10 милліоновъ рублей. Институтъ стражниковъ въ теченіе 1905—1908 гг. окончательно былъ проведенъ въ жизнь.

Впрочемъ, мы были бы несправедливы, если бы не отмѣтили одной законодательной попытки, предшествовавшей закону о стражникахъ и проявлявшей нѣкоторую заботливость о крестьянствѣ и нѣкоторое желаніе облегчить его узы. Это, именно, отмѣна круговой поруки,—законъ, изданный 12 марта 1903 г. Дѣйствительно, круговая порука имѣла единственной цѣлью освободить и чиновниковъ, и помѣщиковъ отъ необходимости вѣдаться съ каждымъ крестьяниномъ. При круговой порукѣ передъ помѣщикомъ или чиновникомъ стояла не та или другая личность, а сѣрая, безразличная, сословная масса, которая и была обложена извѣстными податями и сама обязана была являться аппаратомъ, обезпечивающимъ правильность уплаты податей и повинностей. Круговая порука облегчала сначала дѣло помѣщичьяго управленія, а затѣмъ вносила то же самое облегченіе и въ дѣло чиновничьяго хозяйства. Однако, опытъ показалъ, что эта мѣра даже съ чиновничьей точки зрѣнія годится только при наличности упрощенныхъ хозяйственныхъ отношеній. Когда же хозяйственныя отношенія достигаютъ извѣстной сложности, то аппаратъ круговой поруки становится мало пригоднымъ и скорѣе даже тормозитъ, чѣмъ облегчаетъ дѣло. Такъ именно было и съ круговой порукой въ нашей деревнѣ. Когда хозяйственная жизнь ея въ достаточной степени усложнилась, круговая порука перестала представлять какія-либо преимущества для собиранія податей и налоговъ. И дѣйствіе ея было отмѣнено для мелкихъ селеній и ослаблено для крупныхъ селеній еще въ 1899 г. Съ тѣхъ поръ сложность экономической жизни нашей деревни еще больше увеличилась, и круговая порука въ интересахъ самой казны перестала примѣняться. Въ дѣйствительности, слѣдовательно, круговая порука отпала еще до закона 1903 г., и правительство своей отмѣной круговой поруки не внесло какого-либо значительнаго облегченія въ жизнь крестьянства, а лишь признало тотъ порядокъ, который установился самъ собой. Но въ то же время была усилена и зависимость крестьянина отъ администраціи. Сельское самоуправленіе, которое вѣдало сборами податей и налоговъ при наличности круговой поруки, теперь было отдано въ этомъ отношеніи подъ особенный надзоръ дворянства и чиновничества. „Взиманіе окладныхъ сборовъ",—гласитъ соотвѣтственная статья закона,—

„[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]…

[illegible] [illegible] по-второ[illegible] [illegible], [illegible] по [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible]накопившіяся за [illegible] [illegible] въ 1-му января 1904 г.

Что [illegible] [illegible], то онѣ [illegible] [illegible]. [illegible], что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] при [illegible] [illegible] рас[illegible]. При [illegible] [illegible] въ огромномъ большинствѣ случаевъ [illegible] и только [illegible] въ [illegible] количествѣ. Снять эти [illegible] было [illegible], прежде всего, для чиновничьяго аппарата.

Что же касается до [illegible] тѣлесныхъ наказаній, то оно, [illegible], [illegible] уступкой, сдѣланной подъ напоромъ крестьянской волны. Розга,—эта эмблема насилія,—считалась такимъ вѣрнымъ средствомъ для обузданія мужика, что бюрократія ни зачто не хотѣла разстаться съ ней, несмотря на то, [illegible] крестьянская [illegible] [illegible] [illegible] глубокое отвращеніе… [illegible] [illegible] наказаній [illegible] [illegible] [illegible] малѣйшихъ препятствій [illegible]. И скоро правительство [illegible] сдѣлать и дальнѣйшій [illegible] [illegible] направленіи. 12 декабря 1904 г. былъ [illegible], въ которомъ [illegible] обѣщаніе „привести законы [illegible] въ [illegible] съ общимъ законодательствомъ Имперіи“,—иначе говоря, дается обѣщаніе покончить съ [illegible] крестьянства. Однако, въ [illegible] министръ внутреннихъ дѣлъ Святополкъ-Мирскій уже выступаетъ съ попыткой объяснить, что указъ 12 декабря „отнюдь не исключаетъ сохраненія [illegible] строя“… Но попытки эти [illegible] [illegible]: и сословныя перегородки [illegible] больше и больше….

Указомъ 6 апрѣля 1905 г. были сложены съ населенія недоимки по продовольственному долгу, накопившіяся по день рожденія наслѣдника престола, т. е. къ 30-ое іюля 1904 г….

Болѣе серьезной мѣрой можетъ показаться манифестъ 3 го ноября 1905 г., которымъ выкупные платежи съ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ, уменьшены 1 го января 1906 г. на половину, а съ 1-го января 1907 года взиманіе этихъ платежей объявляется прекращеннымъ. Однако, и эта мѣра не можетъ возбуждать ни малѣйшей признательности съ стороны крестьянства. Къ первому января 1906 г. „бывшіе помѣщичьи крестьяне“ уплатили за доставшуюся имъ землю болѣе полутора милліардовъ рублей, т. е. съ избыткомъ покрыли не только первоначальный долгъ (около 860 милліоновъ рублей), но и всѣ % на этотъ долгъ. Въ виду этого, взимать выкупные платежи послѣ 1-го января 1906 г. правительство не имѣло даже права. На бывшихъ государственныхъ крестьянахъ числилось 1053 милліона выкупного долга казнѣ, и къ 1906 г. этотъ долгъ былъ также погашенъ съ избыткомъ. О выкупныхъ платежахъ удѣльныхъ крестьянъ (около 51 милліона рублей)— нечего и говорить: этотъ долгъ былъ уплаченъ давно....

Столь-же несущественнымъ является для крестьянства и обѣщаніе того же манифеста 3-го ноября „дать Крестьянскому Банку возможность успѣшнѣе помогать малоземельнымъ крестьянамъ въ расширеніи покупной площади ихъ землевладѣнія, увеличивъ для сего средства Банка и установивъ болѣе льготныя правила для выдачи ссудъ“. Несущественнымъ для крестьянства это обѣщаніе является потому, что всѣ операціи Крестьянскаго Банка содѣйствовали, въ теченіе всей его дѣятельности, а особенно за послѣднее время,—лишь перепродажѣ дворянскихъ земель по крайне высокимъ цѣнамъ.

И конецъ, крестьянскія права снова подвинулись нѣсколько впередъ въ сторону уравненія съ другими сословіями. Указомъ 5 октября 1906 г. крестьяне сравнены съ другими сословіями въ правахъ гражданской службы: относительно поступленія въ учебныя заведенія, свободнаго выбора мѣста жительства, семейныхъ раздѣловъ; нѣсколько большую самостоятельность получили сельскіе и волостные сходы; крестьянство, далѣе, освобождено отъ административныхъ каръ земскихъ начальниковъ; земскіе гласные избираемые (въ прежнемъ жалкомъ количествѣ) не подлежатъ уже утвержденію губернатора... Конечно, до полнаго устраненія сословнаго начала тутъ еще далеко. Но этимъ указомъ, однако, правительство сдѣлало рѣшительный шагъ къ тому, чтобы разъединить возможно сильнѣе крестьянскія массы, разбить деревенскія связи, которыя оказались такими значительными къ началу XX вѣка. Мы видѣли, какъ самимъ ходомъ разселенія создалась земельная община. Мы видѣли, что свою общину народъ пронесъ черезъ всѣ испытанія крѣпостного права. Мы можемъ сказать теперь, что, по мѣрѣ того, какъ народныя массы становятся со-

снательнѣе, и общинные порядки начинаютъ оживать и служить дѣлу народнаго строительства. Однако, въ правящихъ кругахъ взгляды на общину въ началѣ XX вѣка круто измѣнились, и учрежденіямъ общинной жизни былъ нанесенъ тяжелый ударъ закономъ 9-го ноября 1906 года, разрѣшившимъ свободный выходъ изъ общины и расхищеніе ея земельнаго достоянія въ собственность отдѣльныхъ членовъ. Впрочемъ и этому закону, не смотря на всѣ усилія чиновниковъ, не удалось, въ концѣ концовъ, стереть съ лица русской земли крестьянскую общину.

Не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ находилось крестьянство до настоящаго времени, оно проявило удивительную устойчивость и жизнеспособность въ хозяйственномъ отношеніи. Свидѣтельствомъ этому служатъ данныя о крестьянскомъ землевладѣніи и землепользованіи.

Въ измѣненіяхъ, которымъ подверглось русское землевладѣніе за послѣдніе годы, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что всѣ сословія, — дворяне, купцы, разночинцы,—кромѣ крестьянства, изъ года въ годъ теряли свои земли. Одно лишь крестьянство не только удержало всѣ свои пріобрѣтенныя земли, но и безпрерывно увеличивало размѣры своего землевладѣнія. Такъ къ 1908 году крестьянами было куплено (послѣ освобожденія) до 26 съ половиной милліоновъ десятинъ у различныхъ другихъ сословій. Въ этихъ покупкахъ за послѣднее время видную роль сыгралъ Крестьянскій Банкъ, черезъ который крестьяне пріобрѣли добрую треть всей вышеуказанной площади, не смотря на крайне невыгодныя условія, которыми этотъ банкъ въ большинствѣ случаевъ обставлялъ крестьянскія покупки.

Но мало сказать, что крестьянство выходитъ побѣдителемъ въ дѣлѣ отвоеванія земли путемъ покупки отъ другихъ сословій. Необходимо обратить вниманіе и на то, что это завоеваніе крестьянства относится, главнымъ образомъ, на счетъ трудовыхъ хозяйствъ, которыя обрабатываютъ землю силой своихъ семей и обходятся безъ наемнаго труда.

Эта удивительная жизнеспособность мелкаго трудового крестьянскаго хозяйства еще ярче выступитъ передъ нами, если мы обратимъ вниманіе на то, что громадная доля посѣвной площади помѣщиковъ воздѣлывалась крестьянскими же хозяйствами, которыя брали ее въ аренду. Такъ, въ началѣ XX вѣка помѣщикамъ (въ число ихъ не входятъ лица крестьянскаго сословія) принадлежала почти третья часть земель, воздѣлываемыхъ въ Европейской Россіи. Однако, самостоятельно помѣщики хозяйствовали (при помощи наемнаго труда) только на одной десятой долѣ своей посѣвной площади: вся же остальная посѣвная площадь обрабатывалась путемъ сдачи въ аренду все тому же трудовому крестьянству. И это не смотря на крайне тяжелыя условія

пользованія арендованной землей. И это не смотря на то-что въ теченіе всей своей исторіи, почти до послѣднихъ дней, оно затрачивало массу силъ на другой способъ рѣшенія своей нужды въ землѣ,—на переселеніе.

По мѣрѣ того, какъ росло русское государство, по мѣрѣ того, какъ оно укрѣплялось на своихъ восточныхъ и юго-восточныхъ границахъ, безпрерывный потокъ русскаго крестьянства вливался въ безпредѣльныя степи между Днѣпромъ и Дономъ, надвигался все ближе и ближе къ Уралу и прорвался, наконецъ, черезъ эту каменную плотину на безграничный просторъ Сибири.

Все это переселенческое движеніе въ юго-восточномъ и восточномъ направленіи изъ года въ годъ поддерживалось преимущественно самимъ крестьянствомъ по своему почину и часто по своему произволу. Мы уже говорили, что протестъ противъ ненавистнаго крѣпостного права выражался долгое время, главнымъ образомъ, въ побѣгахъ. А куда же крестьянину, потерявшему всѣ свои права, было и бѣжать, какъ не на далекую окраину, куда не могла достичь рука подкупного чиновника и потерявшаго всякую совѣсть барина?

Правда, и самому русскому государству съ одной стороны, было выгодно это переселенческое движеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если самовольное переселеніе ослабляло коренныхъ помѣщиковъ, то оно же было основой для дальнѣйшихъ земельныхъ пріобрѣтеній государства. Для охраны границъ отъ набѣговъ враговъ государство строило крѣпости и содержало войска. Весь этотъ служилый людъ долженъ былъ питаться и кормиться за счетъ работы крестьянства, разбросавшаго на новыхъ земляхъ свои поселки. Это же крестьянство поддерживало на своихъ лошадяхъ и связь между отдѣльными войсковыми отрядами и центральнымъ правительствомъ. Вотъ почему государство долгое время глядѣло сквозь пальцы на эти переселенческіе потоки, состоявшіе изъ крѣпостныхъ, озлобленныхъ насиліями помѣщиковъ, сектантовъ и раскольниковъ, измученныхъ преслѣдованіемъ чиновничества и духовенства, и даже преступныхъ элементовъ общества. Вотъ почему временами государство само содѣйствовало переселеніямъ на эту далекую окраину и вызывало сюда для поселенія вольныхъ, свободныхъ людей, которыхъ надѣляло не только землей, но и денежными пособіями и разными льготами. Въ 1822 году Александръ I разрѣшилъ всѣмъ государственнымъ крестьянамъ свободно переселяться въ Сибирь изъ всѣхъ губерній, при чемъ оказывалась государственная помощь и льготы. Само собой разумѣется, что на крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ это право не распространялось.

Остальное крестьянство получило это право только послѣ паденія крѣпостныхъ отношеній. И, однако, долгое время переселеніе все-таки не оставалось свободнымъ въ

полномъ смыслѣ этого слова. Разрѣшеніе на переселеніе выдавалось, главнымъ образомъ, семействамъ крѣпкимъ съ большимъ количествомъ работниковъ и значительнымъ денежнымъ запасомъ. Отъ переселенца требовалось, прежде чѣмъ онъ двинется въ путь, уплатить въ общество всѣ недоимки, отказаться отъ участія въ мірской землѣ и получить отъ общества увольнительный приговоръ. Вся деревенская бѣднота, которая вынуждена была жить въ зависимости отъ помѣщиковъ и кулаковъ, работать на нихъ, не покладая рукъ, и вести полуголодное существованіе, не пользовалась правомъ переселенія и помощью царскаго правительства, которое неуклонно оставалось на стражѣ дворянскаго землевладѣнія и кулаческаго капитала, закабалялась на мѣстахъ. Само собою разумѣется, что деревенская бѣднота не мирилась съ этимъ безправнымъ положеніемъ и продолжала самовольно переселяться на сибирскія земли. Не трудно понять, что безправное и безпомощное положеніе этихъ переселенцевъ, которые то приписывались по пріемнымъ приговорамъ къ старожильческимъ селеніямъ, то брали въ аренду землю у инородцевъ и казаковъ, то нанимались въ батраки, было неиссякаемымъ источникомъ всякой эксплоатаціи со стороны тѣхъ, кто раньше и прочно засѣлъ на сибирскихъ земляхъ.

Закономъ 1889 г. (при Александрѣ III) были даны нѣкоторыя небольшія льготы переселенцамъ. Такъ теперь для переселенія было достаточно получить только разрѣшеніе отъ власти, но не требовалось добиваться еще увольнительнаго приговора отъ сельскаго общества; далѣе, переселенцы получали значительныя облегченія по уплатѣ платежей въ первые годы своей жизни на новыхъ мѣстахъ; имъ выдавалась на проѣздъ ихъ въ Сибирь ссуда на продовольствіе и обсѣмененіе полей; и, наконецъ, была облегчена и самая перевозка по желѣзнымъ дорогамъ, особенно, когда въ девяностыхъ годахъ была начата постройка великаго сибирскаго желѣзнаго пути. Еще позднѣе во многихъ пунктахъ были устроены переселенческіе бараки, врачебно-продовольственные пункты и переселенческія конторы, въ которыхъ переселенцы могли получить указанія о свободныхъ участкахъ земли.

Со времени освобожденія крестьянства до первой революціи (1905 г.) въ сибирскія губерніи переселилось немного болѣе одного милліона душъ (1.000800). Послѣ революціи и русско-японской войны волна переселенческаго движенія поднялась до небывалой еще въ русской исторіи высоты, а именно, за пять лѣтъ, съ 1905 по 1910 годъ въ Сибири устроилось болѣе $1^1/_2$ милліоновъ душъ (1.695.000), т.-е. значительно больше, чѣмъ за сорокъ предыдущихъ лѣтъ.

6. Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о дѣйствительномъ значеніи переселенія въ хозяйственной жизни

русскаго крестьянства. Для всей Европейской Россіи переселеніе не имѣетъ большого значенія. Но переселенческое движеніе захватываетъ деревенское населеніе не сплошь, а отдѣльными гнѣздами: изъ однихъ областей, районовъ, губерній, наконецъ, волостей и селъ переселеніе значительно больше, изъ другихъ меньше. Для такихъ „гнѣздъ“ переселеніе все же значительно облегчаетъ бѣдствія малоземелья.

Эта устойчивость и жизнеспособность крестьянскаго трудового хозяйства за послѣднее время многимъ обязана новой силѣ въ русской жизни—*кооператіи*.

Въ устройствѣ кооперативныхъ союзовъ, преслѣдующихъ выполненіе общими силами хозяйственныхъ интересовъ трудового народа, Россія къ началу двадцатаго столѣтія сильно отстала по сравненію съ Западной Европой.

Въ западныхъ государствахъ къ этому времени выработались и оправдали себя двѣ формы кооперативнаго объединенія: кредитная кооперація (особенно въ Германіи) и потребительская кооперація (особенно въ Англіи). Дѣятельность кооперативныхъ учрежденій этого рода была уже давно извѣстна русской интеллигенціи. Но почти до самаго начала двадцатаго вѣка всѣ попытки привить эти учрежденія къ русской деревнѣ оставались безуспѣшными. Для свободныхъ кооперативныхъ учрежденій не была подготовлена и хозяйственная жизнь деревни и само крестьянство, да и полицейскій гнетъ царскаго правительства не давалъ возможности вести въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ общественную работу.

Къ началу двадцатаго вѣка (тысячи девятисотымъ годамъ) многія условія русской дѣйствительности, какъ мы видѣли, значительно измѣнились.

Если русская деревня къ этому времени и не стала богаче, то характеръ ея хозяйства измѣнился кореннымъ образомъ. Раньше крестьянство обходилось главнымъ образомъ, тѣми продуктами, которые оно само вырабатывало. Теперь въ оборотѣ деревни сталъ все больше и больше появляться рыночный товаръ, и хозяйство изъ прежняго натуральнаго все больше и больше стало превращаться въ денежное. Деревня стала грамотнѣе; деревня сдѣлалась богаче интеллигенціи. Наконецъ, даже царское правительство, переполненное обычно всякими бездарностями, начало понимать, что его собственный интересъ заключается въ томъ чтобы поднять производительность сельскаго хозяйства, чего достичь безъ коопераціи не представлялось возможнымъ.

Вотъ тѣ причины, которыя къ началу двадцатаго вѣка подготовили успѣхъ кооперативному движенію въ русской деревнѣ.

Первой укрѣпилась на русской почвѣ кредитная кооперація. Послѣ добрыхъ тридцати лѣтъ предварительныхъ,

часто неудачныхъ,—опять кредитная кооперація становится на твердую почву почти наканунѣ двадцатаго столѣтія.

Немаловажную роль въ этомъ ростѣ кредитныхъ кооперативовъ сыгралъ законъ 1 іюня 1895 г. („Положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита"). Онъ облегчилъ открытіе ссудо-сберегательныхъ товариществъ и,—это имѣло особенно большое значеніе для крестьянства,—разрѣшилъ кредитные кооперативы новаго типа—безпаевыя кредитныя товарищества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ предоставилъ таковымъ товариществамъ получать основные капиталы, между прочимъ, и изъ Государственнаго Банка и расширилъ область дѣйствія кредитныхъ кооперативовъ. Именно со времени введенія этого новаго устава, кредитная кооперація сдѣлала въ нашей деревнѣ большіе успѣхи, не смотря на то, что ея развитію и дѣятельности много мѣшала чиновничья опека, которую правительство назойливо насаждало повсюду въ лицѣ инспекторовъ мелкаго кредита.

О ходѣ кредитной коопераціи въ Россіи,—вѣрнѣе сказать, въ русской деревнѣ, потому что громадное количество кредитныхъ кооперативовъ у насъ обслуживаетъ крестьянство,—даетъ представленіе слѣдующій рядъ цифръ. Въ 1867 году имѣлось всего только одно ссудо-сберегательное товарищество; въ 1895 г. число ссудо-сберегательныхъ товариществъ возросло до 750, а въ 1916 году число кредитныхъ кооперативовъ достигло почти 16 тысячъ, изъ которыхъ только одна четверть приходилась на ссудо-сберегательныя товарищества, а три четверти—на кредитныя. Общее количество членовъ въ этихъ кооперативныхъ организаціяхъ въ 1916 году превысило 10 милліоновъ; считая на каждое крестьянское хозяйство въ среднемъ по шесть человѣкъ, мы увидимъ, что кредитные кооперативы своей работой затрагиваютъ интересы не менѣе 60 милліоновъ душъ, т.-е. чуть ли не половину всего населенія русскаго государства. Размѣры ссудной операціи, освобождающей крестьянство изъ подъ власти кулацкаго капитала, въ 1916 году превысили 550 милліоновъ рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ за военное время усилились посредническія операціи, особенно по поставкѣ сельско - хозяйственныхъ продуктовъ (зерновыхъ хлѣбовъ, сѣна, мяса) въ армію.

Потребительская кооперація въ деревнѣ начала развиваться на цѣлое десятилѣтіе позже по сравненію съ коопераціей кредитной. Начало быстраго движенія потребительской коопераціи въ крестьянствѣ относится къ 1906 году. Когда первая революція была подавлена царскими опричниками, крестьянскія массы отхлынули отъ широкихъ политическихъ задачъ и сосредоточили свое вниманіе на устройствѣ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ собственными силами. Съ этого момента и выдвигается интересъ крестьянства къ потребительской коопераціи тѣмъ болѣе, что деревня теперь

оказалась уже значительно подготовленной къ усвоенію кооперативныхъ идей, благодаря значительному распространенію кредитной коопераціи.

Потребительское кооперативное движеніе началось въ Россіи въ шестидесятыхъ годахъ, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Однако долгое время движеніе это было сначала сосредоточено исключительно среди достаточныхъ классовъ городского населенія и только значительно позднѣе перекинулось сначала въ среду фабрично-заводскаго населенія, а еще позднѣе дошло и до крестьянства. Къ началу войны мы имѣли около 10 тысячъ кредитныхъ кооперативовъ, разбросанныхъ по всему лицу земли русской. Продовольственная разруха, вызванная войной, дала могучій толчекъ къ дальнѣйшему развитію потребительской коопераціи въ русской деревнѣ. Къ 1917 году въ Россіи было, вѣроятно, не менѣе 25 тысячъ потребительскихъ кооперативовъ, изъ которыхъ около двадцати тысячъ должно приходиться на деревню. Общее количество членовъ во всѣхъ этихъ кооперативахъ достигаетъ, вѣроятно, 3 милліоновъ, то есть въ потребительскомъ движеніи въ настоящій моментъ непосредственно заинтересовано около 15 милліоновъ душъ (около 10 милліоновъ нужно отнести на деревню). Годовой оборотъ всѣхъ этихъ обществъ приближается, вѣроятно, къ 1 милліарду рублей.

Если къ потребительскимъ и кредитнымъ кооперативамъ мы прибавимъ еще нѣсколько тысячъ кооперативовъ другихъ видовъ (сельско-хозяйственные, трудовыя артели и др.), то мы увидимъ, что кооперативное движеніе за послѣднее время сдѣлалось значительной общественной силой, которая должна была наложить на деревенскую жизнь своеобразный отпечатокъ и оказать огромное вліяніе на общественное воспитаніе русскаго крестьянства.

Въ самомъ дѣлѣ, будемъ въ настоящій моментъ считать только 40 тысячъ кооперативныхъ ячеекъ. Если допустить, что въ среднемъ въ правленіи и ревизіонной коммиссіи каждаго кооператива дѣйствительное участіе принимаетъ только пять человѣкъ, то мы найдемъ, что число общественныхъ работниковъ, проходящихъ черезъ кооперацію ежегодно, будетъ не менѣе 200000. Если допустить далѣе, что каждое общее собраніе въ среднемъ посѣщается только 25 лицами, то мы найдемъ, что не менѣе милліона душъ ежегодно проходятъ черезъ общія собранія, на которыхъ они все же получаютъ извѣстные общественные навыки, привыкаютъ къ новымъ общественнымъ воззрѣніямъ, научаются понимать связь общественныхъ явленій и заглядывать дальше своей деревенской околицы. Прибавьте къ этому воздѣйствіе кооперативной литературы, распространяемой многими милліонами экземпляровъ въ видѣ книгъ, брошюръ, календарей, листовокъ, отчетовъ, воззваній...

Само собой разумѣется, что вліяніе коопераціи возрастало постепенно вмѣстѣ съ ростомъ числа кооперативовъ и ихъ членовъ. Но уже въ теченіе всего послѣдняго десятилѣтія вліяніе коопераціи становится значительной силой въ жизни русской деревни. Недаромъ передъ послѣдней революціей царское правительство такъ забезпокоилось относительно коопераціи и намѣтило рядъ мѣръ для ея „укрощенія". Недаромъ во многихъ мѣстахъ кооперативныя ячейки оказались опорными пунктами для организаціи революціонныхъ силъ. Недаромъ, наконецъ, кооперативные союзы за короткій срокъ революціоннаго періода предоставили многія сотни тысячъ рублей на дѣло организаціи революціоннаго крестьянства и рабочаго класса.

Революціонное движеніе, вспыхнувшее въ концѣ февраля и началѣ марта 1917 года, смело безъ остатка царскую власть, которая привела нашу родину на край гибели.

Эта революція уничтожила преграды между сословіями. Крестьяне стали полноправными гражданами...

Подъ руководствомъ своихъ Совѣтовъ Крестьянскихъ Депутатовъ, нашъ трудовой землеробъ готовится окончательно перейти къ новымъ условіямъ жизни—къ полной политической свободѣ и равенству, къ широкому образованію и развитію своихъ духовныхъ силъ, къ новому, болѣе разумному устройству своего хозяйства, къ новой земельной реформѣ.

Всѣ эти важные вопросы предстоитъ разрѣшить Учредительному Собранію, въ которомъ громко раздастся голосъ трудового земλероба и которое откроетъ новую и великую страницу, какъ въ жизни трудового земледѣльческаго населенія, такъ и въ жизни всей нашей родины.

Цѣна 1 руб. 60 коп.